

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

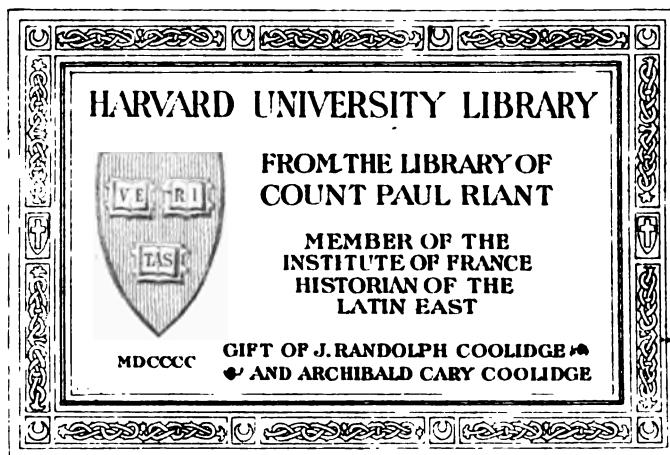
- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает и пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

Slav 600.10

ЛЕКЦИИ
по
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

ПРОФЕССОРА

Н. Н. Костомарова.

Nikolai (Ivanovich) Kostomarov.

СОСТАВЛЕНЫ ПО ЗАПИСКАМЪ СЛУШАТЕЛЕЙ

Н. Г—ВЫЛЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СВОРЪ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ, ПО ЖЕЛАНИЮ Г. ПРОФЕССОРА, ВЪ ПОЛЬЗУ КАССЫ ДЛЯ
ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ВЪДЧИНИЯ СТУДЕНТАМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1861.

Slav 600.10

Harvard College Library
Cambridge
G. H. Godwin, Librarian
and A. C. D. G. S. G.
1861

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанію представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 февраля 1861 года.

Цензоръ Ст. Лебедевъ.

НЕОБХОДИМОЕ ОВЪЯСНЕНИЕ.

Нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства надолго задержали изданіе „Лекцій“, предполагавшихся быть выпущенными еще въ прошломъ году. Полное изданіе „Источниковъ удѣльно-вѣчеваго уклада“, въ силу такого же рода обстоятельствъ, откладывается на неопределѣленное время.

Собственно „Лѣтописи“ отпечатаны давно и лежали въ типографіи безъ всякой пользы; я ихъ рѣшился теперь выпустить, основываясь на томъ, что они, составляя собою вполнѣ законченное цѣлое, не могутъ не представлять большаго интереса для многихъ, не имѣющихъ возможности познакомиться съ составомъ нашихъ лѣтописей, по причинѣ отсутствія въ нашей исторической литературѣ подобного рода сочиненія. Знакомые съ условіями хода исторической науки не будутъ удивляться тому, что Н. И. Костомаровъ нашелъ теперь въ этихъ „Лѣтописяхъ“ много пробѣловъ, которыхъ необходимо было бы пополнить новыми источниками и свѣденіями, сдѣлавшимися ему известными уже послѣ отпечатанія „лекцій“, которая, слѣдовательно, являются точно въ такомъ видѣ, въ какомъ были читаны съ кафедры въ 1860 году. Замѣченные же пробѣлы будутъ пополнены во второмъ изданіи, если ему суждено будетъ явиться въ свѣтъ.

Гг., имѣющіе билеты и не получившіе 6 и 7 листовъ могутъ обращаться въ книжный магазинъ Д. Е. Кожанчикова.

Тамъ же могутъ быть приобрѣтаемы и отдѣльные листы, начиная съ 3-го, по 5 к. сер.

П. Гайдебургъ.

University Library

Gift of F. B. & M. Choate
and Associates

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вступительная лекція	6
Лѣтописи	20
Лѣтопись, приписываемая Нестору	26
Кievская лѣтопись	39
Галицко-Волынська лѣтопись	47
Густинская лѣтопись	52
Бѣлорускія лѣтописи	53
Новгородскія лѣтописи	59
Псковскія лѣтописи	73
Вятскія лѣтописи	76
Суздальская лѣтопись	82
Переяславо-суздальская лѣтопись	86
Тверская лѣтопись	88
Софійскій Временникъ	91
Вторая софійская лѣтопись	95
Воскресенскій сборникъ	96
Составъ нашихъ лѣтописей	97

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ

(вступительная).

Мм. №.

Считаю долгомъ привести искреннюю благодарность почтенному союзю здѣшнаго университета, удостоившему меня избраниемъ по каѳедрѣ русской исторіи и въ тоже время начальству, благосклонно утвердившему такой выборъ. Время покажетъ — окажусь ли я достойнымъ такой высокой чести. Быть можетъ неѣтъ. Въ такомъ случаѣ я оставлю эту каѳедру, на которую теперь вступаю, съ увѣренностью, что этому причиною недостатокъ моихъ способностей и силъ, а не желанія оправдать лестное ко мнѣ вниманіе.

Приступая къ чтенію русской исторіи, я знаю, что буду имѣть честь излагать ее передъ слушателями, которые вступили въ университетъ съ достаточнымъ запасомъ пріобрѣтеннаго въ учебныхъ заведеніяхъ систематического знанія вышнихъ событій, а потому я не считаю нужнымъ утомлять ихъ послѣдовательнымъ повѣствованіемъ по общепринятому порядку. Такое

чтение не разнилось бы въ сущности ни въ чёмъ отъ учебнаго преподаванія, кромѣ подробностей въ частяхъ предмета; по, по большей части, такія подробности всегда могутъ быть легко приобрѣты изъ общедоступныхъ сочиненій. Цѣль университетскаго преподаванія — не умноженіе сокровищъ памяти, не знаніе новыхъ фактъ, а осмысленіе того, что уже приобрѣтено заранѣе. Будетъ сообразнѣе съ этою цѣлію, если, при изложеніи отечественной исторіи, преподаватель станетъ имѣть въ виду не столько полноту своего курса, сколько — или разрешеніе вопросовъ, до сихъ поръ остающихся спорными либо нетронутыми, или разясненіе такихъ сторонъ всей исторической жизни, которая почему нибудь оставалась у изслѣдователей на второмъ планѣ, или же по своему свойству и примѣненію къ современнымъ требованиямъ особенно заслуживаются полнѣйшей обработки. Съ одной стороны преподаватель, сосредоточивъ свои силы на иѣкоторыхъ сторонахъ науки, будетъ въ состояніи содѣйствовать своими трудами дальнѣйшему движению науки, выѣсто того, чтобы повторять рѣшенные другими результаты; съ другой — слушатели познакомятся съ пріемами такого труда и это доставить облегченіе тѣмъ изъ нихъ, которые, въ свою очередь, пожелаютъ посвятить свои способности дѣлу науки. Такой пріемъ изложения можетъ — или ограничиваться извѣстными избранными эпохами, или обнимать хронологическое течение всей исторіи, но съ избранныхъ сторонъ. Я избираю послѣднее.

Все это, ми. гг., я считаю нужнымъ предварительно вами высказать, дабы впослѣдствіи не укоряли меня, когда, быть можетъ, въ моемъ чтеніи окажутся упущенія иѣкоторыхъ сторонъ науки и на счетъ ихъ усиленное вниманіе къ другимъ.

Было время, когда сумма виѣшнихъ явленій, образующихъ то, что называется государственною или политическою жизнью, составляло все, чего можно было требовать отъ науки. Такъ и слѣдовало: виѣшность прежде всего обнимается, скорѣе усвояется. Такимъ образомъ Исторія Государства Россійскаго

Карамзина была созданиемъ самымъ удовлетворительнымъ въ свое время. Заслуга почтенного исторіографа тѣмъ важнѣе, что онъ внесъ въ свое сочиненіе зрѣлую критику. Съ своимъ великимъ талантомъ, Карамзинъ уже не ограничивался односторонностію выѣнности и въ своемъ сочиненіи оставилъ зачатки и указанія новаго изложения для будущихъ дѣятелей науки. Когда все безмолвно поклонялось его авторитету, назадъ тому лѣтъ тридцать, явился смѣлый человѣкъ, выступившій на ученолитературное поле больше съ отвагою мысли, чѣмъ съ ученымъ авторитетомъ; то былъ Полевой съ его Исторіей Русскаго Народа. Названиемъ, даннымъ своему сочиненію, онъ заявлялъ требование, что исторія русскаго государства недостаточна, необходима еще исторія народа. При быстро подвижной работѣ нашей мысли, многимъ едва извѣстно по имени это сочиненіе. Я не имѣю цѣли, въ настоящее время, дѣлать его оцѣнки; скажу только, что, при многихъ достоинствахъ, полемический тонъ иѣшаль автору взглянуть на предметъ своего изложенія безпристрастно и спокойно; подражаніе западнымъ теоріямъ побуждало его прилагать, нерѣдко не кстати, къ отечественнымъ событиямъ несвойственные взгляды, а болѣе всего недостатокъ источниковъ воспрепятствовалъ осуществиться на дѣлѣ названію, избранному авторомъ. Одно только название болѣе всего осталось много знаменательнымъ для насъ отъ этого творенія талантливаго писателя. Съ тѣхъ порь, въ теченіи послѣднихъ тридцати или, точнѣе, двадцати пяти лѣтъ, наша ученая историческая литература значительно обогатилась. Правительство оказалось дѣятельное содѣйствіе въ собраніи и обнародованіи древнихъ актовъ и памятниковъ; археографическая комиссія, московское общество исторіи и древностей, кievская археографическая комиссія, одесское общество исторіи и древностей, археологическое общество и, наконецъ, частныя лица издали въ свѣтъ богатые запасы старинныхъ письменныхъ памятниковъ; публичная библіотека обогатилась рѣдкими сокровищами и расширила свой дружелюбный доступъ труженикамъ и любите-

лямъ науку; наши почтенные ученые, одинъ за другимъ, представили плоды своихъ добросовѣстныхъ работъ подъ разными вопросами и сторонами отечественной исторіи; сознана важность языкоznанія для изученія жизни народа; собраны этнографическіи данныя,—вѣсть со всѣмъ этимъ уяснилась и необходимость исторіи народа и теперь только наступаетъ пора, когда возможно приступить къ ней, хотя бы только для того, чтобы проложить первую тропинку для послѣдующихъ дѣятелей, которымъ будетъ суждено измѣнить ее въ торную дорогу.

Теперь, ми. гг., я считаю нужнымъ представить вамъ въ краткихъ словахъ сущность того понятія, которое я составляю себѣ объ исторіи народа вообще. Не стану теперь распространяться въ подробностяхъ, предоставивъ повѣрку и подтвержденіе моего взгляда самому ходу изложенія науки.

Едва ли нужно доказывать, что всякое политическое общество, съ его движеніями и измѣненіями, относится къ народу, какъ явленіе къ его сущности, какъ вѣшноть къ внутреннему содержанію, такъ что опредѣлительность, какую мы дадемъ кругу, въ который заключены политическія явленія, зависитъ отъ степени нашего понятія, какое мы составили себѣ о народѣ. Такъ, приступая къ исторіи политического общества, подъ именемъ русской исторіи, мы вправѣ спросить себя: какого политического общества исторія предстоитъ нашему изученію? Той-ли державы, которая существуетъ теперь подъ именемъ русской имперіи? Но, если мы станемъ разсмотривать всѣ признаки, составляющіе это понятіе, то найдемъ, что всѣ они сгруппировались между собою и составили то явленіе, которое мы называемъ, въ настоящее время, русскою державою, только съ Петра Великаго; и многие, обращая исключительное вниманіе на одинъ видъ государственной жизни, справедливо, съ своей точки зренія, говорятъ, что для нихъ только съ этого времени исторія представляетъ живой и непосредственный интересъ. Въ прежнія времена существовало другое государственное тѣло, до того отличное отъ настоящаго, что многіе

изъ его важнейшихъ признаковъ составляютъ для насть пред-
метъ археологическихъ изслѣдований. Еще несходнѣе наше го-
сударство съ удѣльно-вѣчевою Русью, а языческій періодъ
мелькаетъ намъ изъ глубокой давнини, совершенно чуждымъ на-
шему политическому свѣту, иеропанѣю. Что же соединяетъ вѣтъ
эти періоды, которые, не смотря на ихъ отличіе другъ отъ
друга, никто однако же исключилъ еще изъ науки русской ис-
торіи?

Не земля, потому что коль скоро мы будемъ имѣть въ
виду исторію всего того, что случилось на землѣ, гдѣ теперь
живемъ, или той, которой обитатели вступили въ политическое
единство съ государствомъ нашимъ, то придется говорить, какъ
объ отечественномъ элементѣ, и о бытѣ Пантиапеи; она,
однако, не имѣть къ намъ болѣе близкаго отношенія, какъ во-
обще исторія греческихъ колоній, и, касаясь Пантиапеи, нуж-
но было бы пуститься въ изученіе греческой исторіи. Намъ бы
пришлось излагать исторію Гетеовъ, нѣкогда властовавшихъ
надъ нашею страною, и предаться изученію древне-германскаго
мира,—а это отвлекло бы насть отъ прямой нашей цѣли. Очевидно,
тѣ, что образуетъ единство между различными видами государствен-
ной или политической жизни—есть народъ, ибо только
на основаніи сознанія тождества нашего народа, какъ въ от-
даленныхъ, такъ и близкихъ къ намъ времена, можемъ мы назы-
вать отечественными обитателями такихъ, которые болѣе имѣ-
ютъ между собою несходства, чѣмъ подобія. На основаніи тож-
дества народа, въ различныхъ государствахъ, въ одно и то же
время существующихъ, или существовавшихъ, безъ всякихъ
признаковъ политической связи, исторія этихъ государствъ мо-
жетъ составить одну исторію. Такое явленіе встрѣчается и въ
нашей исторіи, когда въ XIV вѣкѣ образуются два русскія
государства,—московское и литовское. Наконецъ, къ одной и
той же исторіи съ известными государствами можетъ принадле-
жать и часть другаго государства, коль скоро въ этой части
народъ составляетъ единое тѣло съ тѣмъ, который живеть въ

первомъ изъ государствъ. Такъ, изъ единой исторіи свободной Греція будеть всегда принадлежать судьба Фессаліи и островъ Архипелага, остающихся подъ властью Турціи. Это приложимо и къ русской исторіи. Червонная Русь въ XIV вѣкѣ выступила изъ политической связи съ остальной Россіею, но судьба ея до тѣхъ порь будетъ принадлежать къ русской исторіи, пока народъ червонно-русскій не потеряетъ русского языка и началъ русской жизни. Такимъ образомъ, излагая только исторію государственной жизни, если мы хотимъ быть основательными, то невольно будемъ въ своемъ изложеніи подчинять принципъ государственности идеѣ народности, ибо только народность даетъ связь странамъ, не имѣющимъ между собою никакого политического связующаго признака. Доказывать, что виѣшнія явленія политической жизни не могутъ у насъ составить исторіи народа, кажется, нѣтъ необходимости, ибо это само по себѣ слишкомъ ясно.

Но исторія народа не достигается также, такъ называемою внутреннею исторіею, послѣдовательнымъ изображеніемъ законодательства, учреждений и быта, отлично отъ виѣшнихъ событий, ибо явленія общественной и домашней жизни все еще виѣшність: за нею кроется потребность уразумѣнія народного духа, какъ причины, и, вмѣстѣ, содержанія этой виѣшности. Знать о существованіи какого-нибудь учрежденія въ известную эпоху еще недостаточно, и такое знаніе, взятое само по себѣ, какъ фактъ, можетъ повести къ ошибкамъ, если мы не знаемъ, какъ народъ въ свое время понималъ то или другое учрежденіе, въ какой степени оказалъ участіе въ его появленіи и какое дѣйствіе произвело оно на его жизнь. Народный обычай, черты домашняго быта, обрядъ народнаго увеселенія,—все это еще виѣшність, не жизнь народная, а только ея выраженіе. Жизнь народная заключается въ движеніи его духовно-нравственнаго бытія: въ его понятіяхъ, вѣрованіяхъ, чувствованіяхъ, надеждахъ, страданіяхъ. Нельзя судить о благосостояніи экономического быта народа, не зная, какъ народъ понималъ или

понимает довольство или недостатокъ. Нельзя судить о важности будстий народныхъ, не зная въ какой степени они въ свое время производили вліяніе на чувство народа. Нельзя произносить приговоровъ надъ доблестами или пороками человѣческими, не зная въ какой степени оправдывало или обвиняло ихъ народное убѣжденіе. Исследованіе развитія народной духовной жизни—вотъ въ чемъ состоить исторія народа. Тутъ основа и объясненіе всякаго политического событія, тутъ повѣрка и судъ всякаго учрежденія и закона.

Сказанное теперь мною не новость; но часто случалось, что, при сознаніи необходимости поставить на первый планъ духовную самодѣятельность народа—историкъ терялся во вѣшнихъ явленіяхъ и упускалъ ее изъ вида. Я далекъ отъ того, чтобы придавать слишкомъ малое значеніе уразумѣнію вѣшности; напротивъ, только это основательное знаніе и можетъ повести къ уразумѣнію народной жизни; безъ критики и безъ внимательнаго разсмотрѣнія вѣшнихъ подробностей невозможно приступить къ внутреннему содержанію, иначе мы будемъ принимать мечты за существенные выводы изъ явленій. Поэтому не только нельзя обвинить направлениія, обращеннаго исключительно ко вѣшности, но слѣдуетъ сознаться, что въ настоящее время исторія народа не можетъ быть удовлетворительно составлена прежде, чѣмъ не будетъ достаточно-критически обработана во всѣхъ подробностяхъ исторія вѣшнихъ явленій. Вотъ почему я считаю такое сочиненіе, какъ прекрасныя исследованія г. Погодина, сочиненіемъ первой важности. Если бы такимъ способомъ разработана была вся русская исторія, мы были бы значительно облегчены въ нашемъ предпріятіи. Но пока этого нѣть; я и не воображаю, чтобы предпріятіе это увѣличалось полнымъ успѣхомъ; я буду доволенъ и тѣмъ, если оно возбудить въ васъ, ии. гг., сочувствіе и найдется изъ васъ другой, болѣе меня даровитый, который воспользуется предложенію вами мыслю.

При чтеніи исторіи русскаго народа я ничуть не буду оставлять ни вѣшней-былевой, ни бытовой исторіи; напротивъ,

какъ сказа́ль уже, только въ данныхъ той и другой я буду искать своей цѣли. Мы будемъ обращать вниманіе на такие явленія, которыя откроютъ намъ нравственное бытіе народа и его духовную дѣятельность. Мы не станемъ следовать за утомительнымъ рядомъ книжескихъ усобицъ и войнъ съ иноземцами, но выберемъ изъ нихъ только то, что укажетъ наше степень народного участія въ нихъ, народный взглядъ на нихъ и вліяніе ихъ на жизнь народную. Мы не остановимся даже на какомъ нибудь громкомъ государственномъ событии болѣе того, сколько требовать этого будетъ уразумѣніе воздействиія его на народной бытъ и воспитаніе. Мы не станемъ преклоняться предъ биографіею лицъ, выходящихъ изъ массы; для насъ они будутъ важны единственно потому, что они принесли съ собою изъ массы и что сообщили массѣ ихъ дарованія. Намъ не будетъ важенъ никакой законъ, никакое учрежденіе сами по себѣ, а только приложеніе ихъ къ народному быту; насъ не займетъ никакой литературный памятникъ, если мы не будемъ видѣть въ немъ ни выраженія народной мысли, ни той силы, которая пробуждаетъ эту мысль; въ такомъ случаѣ для насъ гораздо важнѣе народная пѣсня, даже полная анахронизмовъ въ изложеніи вѣшнаго события. Если мое чтеніе приметъ образъ непрерывнаго повѣствованія, то преимущественно въ тѣхъ эпохахъ, когда проявляется народная самодѣятельность. Что для историка, имѣющаго на первомъ планѣ государственную жизнь, составляетъ не важны черты—у насъ будетъ предметомъ первой важности; такъ, напримѣръ, повѣствованія нашихъ лѣтописцевъ о неурожаяхъ, наводненіяхъ, пожарахъ и разныхъ бѣдствіяхъ, заставлявшихъ народъ страдать, о затмѣніяхъ и кометахъ, пугавшихъ его воображеніе, для нашего способа изложенія будутъ гораздо важнѣе многаго другаго.

Не откланяясь отъ идеи народной жизни, мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на составъ русского народа, прослѣдить историческую этнографію, развѣтленіе народностей, ихъ взаимныя столкновенія, противодѣйствія, возникновенія и

уявдамія. Только такое изученіе можетъ дать намъ понятіе о томъ — какъ сложился нашъ народъ, и открыть тѣ элементы, которые его создали. Едва ли въ мірѣ есть держава, которая составлена изъ одной народности и едва ли есть народъ, въ которомъ бы нельзя было открыть настоящаго или прошлого существованія составныхъ частей. Въ послѣднее время на Россію указывали, какъ на явленіе въ политическомъ мірѣ противоположное тому, какое представляютъ Австрія и Турція, столь ярко выказывающія разнохарактерность народностей въ своемъ составѣ. Мне кажется, Россія, по составности своего народа, не отстаетъ отъ другихъ. Назадъ тому лѣтъ двадцать обращали вниманіе на одинъ только славянскій элементъ, даже собственно на одну господствующую политически велико-русскую народность; казалось, что историкъ, и даже историкъ народа, долженъ имѣть въ виду эту господствующую народность, а другія не оказывавшія политической самобытной жизни, или потеснившія ее, неудостоивались отъ историковъ независимаго разсмотрѣнія. Народности финскія, литовскія, сибирскія, татарскія остались безъ вниманія, даже богатыя и важныя, въ свое время, изслѣдованіемъ о нихъ нашихъ позабвенныхъ путешественниковъ XVIII вѣка Палласа, Ленехина, Гмелина мало сообщили нашей исторії. Въ послѣднее время труды нашихъ академиковъ, русскаго географическаго общества и многихъ скромныхъ сотрудниковъ губернскихъ вѣдомостей значительно разширили кругъ свѣденій, относящихся къ этнографіи инородцевъ. Однако, ни отношенія ихъ къ нашей народности, ни иѣсто, какое они должны занимать въ исторіи, не указано. Замѣчательно, что двѣ народности, болѣе всего сблизившіяся съ нами, корельская и мордовская, изслѣдованы меныше прочихъ. Но между тѣмъ взгляните на этнографическую карту Кеппена, припомните при этомъ положеніе этихъ народовъ въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ и прослѣдите въ памяти ходъ, какой избралъ въ свое растяженіи славянскій элементъ, и вы придете къ заключенію, что, такъ называемые, инородцы не оставались безъ силь-

наго вліанія на образованіе сильного народного склада и что въ нашихъ жилахъ течеть ихъ крови можетъ быть столько же, сколько и славянской. При томъ же, многіе изъ этихъ народовъ существуютъ до сихъ поръ, и въ нашъ вѣкъ пора бы сознательно сказать, что несправедливо пророчить имъ бесследное уничтоженіе. Если мы говоримъ: исторія русскаго народа, то принимаемъ это слово въ собирательномъ смыслѣ, какъ массу народовъ, связанныхъ единствою одной цивилизациіи и составляющихъ политическое тѣло.

Жизнь народная, подъ вліаніемъ вицѣшихъ явлений, испытывала важныя измѣненія и, вслѣдствіе ихъ, являлась въ своеобразныхъ укладахъ, опредѣляемыхъ суммою согласныхъ признаковъ. Главныхъ укладовъ я нахожу два: *удельно-вичевой* и *единодержавный*.

Признаки первого: раздробленіе цѣлаго безъ совершеннаго его уничтоженія, самобытная жизнь частей безъ нарушенія взаимнаго сходства, перевѣсь обычая надъ постановленіемъ, побужденія надъ закономъ, произвола надъ учрежденіемъ, личной свободы надъ сословностью, чувства надъ долгомъ, родственности надъ государственностью, слабость власти, неопределительность формъ, народоправленіе въ образѣ частныхъ вѣчъ, движение и броженіе. Во второмъ укладѣ части сплачиваются, формы опредѣляются, личность улегается въ сословныя разграниченія, обычай преобразуется въ постановленіе, законъ стремится дать направленіе и судъ побужденіемъ, родственность и народоправленіе покоряются государственному началу.

Въ этихъ двухъ укладахъ жизнь нашего народа. Нельзя и думать опредѣлить точныхъ между ними хронологическихъ границъ уже и потому, что основа ихъ—жизнь неуловимая, свое-нравная, не улегающаяся ни въ какія систематическія рамки. Только приблизительно можемъ мы опредѣлить время первого уклада отъ древнѣйшихъ вѣковъ до XVI вѣка, когда начала противоположного уклада преобладаютъ, хотя старая жизнь пробивалась и послѣ, а элементы новой являлись ощутительно и во

времена съдой старины. Такъ, напримѣръ, въ X и XI вѣкахъ Влади-
миръ и Ярославъ показываютъ нѣкоторые признаки единовла-
стія, а въ XVI и XVII вѣкѣ, когда единовластіе дѣлается торже-
ствующимъ, не разъ порядокъ удѣльный какъ будто хочетъ возо-
бновиться: такъ въ завѣщаніи Иоанна IV сыновьямъ его назна-
чаются удѣлы. Нѣкоторыя враждебныя отношенія казачества къ
власти въ XVII вѣкѣ имѣютъ также характеръ древней вече-
вой вольницы, противодѣйствующей единодержавному порядку,
административной формальности и сословному неравенству.
XIV и XV вѣка могутъ называться временемъ переходнымъ отъ
одного уклада къ другому; тогда господствовало столько же
новыхъ, какъ и старыхъ началь — федеративныхъ и единодержав-
ныхъ, такъ что, смотря съ одной или другой точки зренія, мож-
но ихъ относить и къ тому и къ другому укладу.

Въ теченіи своего господства надъ русскою жизнью, каждый
изъ этихъ укладовъ можетъ представлять иѣсколько видовъ,
означающихъ извѣстный строй государственного и народнаго
быта, дѣйствующихъ на народныя понятія и зависящихъ отъ
ихъ направленія. Обращаясь въ глубину древности, мы най-
демъ, что русскій народъ представляется раздѣленнымъ на
племена; между ними, на сколько указываютъ намъ это скуч-
ные источники, нѣть вѣшнихъ признаковъ связи, но непре-
мѣнно должна существовать внутренняя, хотя бы въ зародыши.
Достаточно указать на общее сознаніе единоплеменности и
дунайскаго происхожденія. Въ половинѣ IX вѣка появляются
признаки выѣзжаго соединенія, сначала на сѣверѣ; призываются
князья, связь распространяется и, къ концу X вѣка, захваты-
вается всѣхъ русскихъ Славянъ и нѣкоторые финскіе народы.
Сначала, какъ мы сказали уже, проглядываютъ вѣсть съ нею
и начала единодержавности, но потомъ удѣльность беретъ верхъ
и обозначается ясно. Подъ именемъ удѣльности я не разумѣю
только родовой связи княжескаго рода, но признаю гораздо
шире значеніе этого слова. Удѣльность есть такой строй, когда
самобытныя части, не смышившись химически воедино и не

прекращая своего отдельного существования, вся вмѣсть образуютъ одно государственное тѣло. Смѣзъ ихъ можетъ болѣе или менѣе выражаться вѣнчаними признаками, поддерживаться тѣми или другими институціями, но принципъ удѣльности остаётся одинъ и тотъ-же. Единство княжескаго рода было главною видимою институціею нашей удѣльности, но это не есть непремѣнное условіе ея существованія; институція могла замѣниться, съ развитіемъ народа, другою, третьою, а удѣльность все таки не прекращалась бы. Наша удѣльность съ институціею княжескаго рода была естественный переходъ отъ того неопределеннаго положенія, въ которомъ, какъ мы уже сказали, лежали зародыши, какъ удѣльности, такъ и единодержавности. Естественно, что, отдѣляясь отъ послѣдней, удѣльность тѣмъ болѣе должна была сохранить подобія съ единодержавностію, чѣмъ ближе находилась къ времени своего выхода изъ неяснаго, смѣшаннаго состоянія, и напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ единодержавные признаки становились блѣднѣе и должны были совершенно исчезнуть. Съ половины XII вѣка удѣльный принципъ совершенно беретъ верхъ; вместо произвольныхъ княжествъ выступаетъ самобытность земель по природному дѣленію: на сѣверѣ разрастается Новгородъ, готовый дать новый толчокъ русскому удѣльному миру. Вдругъ — нахлынули Монголы. Это плачевное событие остановило механизмъ русской жизни. Удѣльность, не достигши полноты своей, такъ сказать, застыла въ своемъ теченіи, замерзаютъ ея горячія силы, движавшія ее впередъ. Когда я воображаю Русь послѣ нашествія завоевателей, то искъ приходить на память сказка, въ которой волшебная флейта заставляетъ присутствующихъ дѣлать такія самыя движения, съ какими ихъ застала, лишивъ ихъ способности перемѣнить на другія или остановиться вовсе. Такъ наша Русь, парализованная нашествіемъ и порабощеніемъ, съ своимъ удѣльнымъ укладомъ, продолжала около вѣка безсознательныя движения на прежній ладъ, не имѣя ни силъ перемѣнить этого лада, ни освободиться отъ тяжелаго кошмара.

Наконецъ, въ XIV вѣкѣ начинается на востокѣ, подъ нравственнымъ влияніемъ Сарая, а на западѣ, по поводу пробужденія Литвы, прогрессивное шествіе нового уклада—единодержавнаго. Долго онъ шелъ не твердымъ шагомъ, пока не подоспѣли на помощь новые элементы: на востокѣ византійскій, на западѣ польскій или, лучше сказать, при посредствѣ его, западный.

Начинается исторія единодержавнаго уклада въ Россіи—на востокѣ въ формѣ Московскаго царства, на западѣ въ формѣ Великаго Княжества Литовскаго, скоро соединеннаго съ Польшею. Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ единодержавный укладъ, по течению времени, разбивается на двѣ половины. Начало XVIII вѣка служить приблизительно между ними взаимною границей. Явленія, составляющія существенные признаки первой половины на востокѣ: сосредоточеніе народнаго могущества въ особѣ царя, святость самодержавной власти, какъ истекающей отъ Бога, развитіе законной формы, перевѣсь власти надъ общинностью, торжество государственного начала надъ народнымъ, стремленіе къ расширѣнію предѣловъ русской земли, занкнутость домашняго быта, зачатки сближенія съ Западною Европою и усвоенія европейской промышленности и государственной защиты. Противудѣйствующая этому укладу сила является въ казачествѣ. Въ Западной Руси эта половина обозначается постепеннымъ соединеніемъ народности русской съ польскою; аристократическое начало играетъ ту роль, какъ самодержавіе на востокѣ и находитъ себѣ противодѣйствіе въ казачествѣ. И здѣсь, и тамъ казачество является выражениемъ пережившой свое господство удѣльности, какъ будто силающейся помолодѣть и найти другой строй для своего обновленнаго бытia. Въ началѣ XVIII вѣка смынаетъ первую половину уклада—другая, гдѣ развивается то, къ чему первое служило подготовкою. Восточная Россія съ сильно развитымъ самодержавіемъ и государственнымъ слитіемъ частей, съ стремленіемъ къ расширѣнію предѣловъ, выступаетъ на среду европейскихъ

державъ и усвоиваетъ европейскія начала промышленности и государственного охраненія. Казачество, какъ единый противудѣйствующій остатокъ древней удѣльности, падаетъ, оставя на западъ Россіи видимое торжество Польши, но въ самомъ дѣлѣ надорвавши ея силы до того, что чрезъ нѣсколько времени западная Русь дополняетъ собою совершившееся окончательно единодержавіе.

Предстоящій курсъ я посвящаю изложению удѣльного уклада русской жизни. Я считаю нужнымъ прежде всего сдѣлать обзоръ источниковъ русской истории удѣльного уклада, указать ихъ составъ, опредѣлить ихъ достовѣрность, ихъ значеніе въ умственной дѣятельности народа, потомъ перейти къ древнимъ литературнымъ памятникамъ и наконецъ, къ правительственнымъ и юридическимъ актамъ, не касаясь ихъ, однако, съ тѣхъ сторонъ, которые составляютъ предметы особыхъ наукъ—исторіи русской литературы и исторіи русского законодательства. Отъ отечественныхъ источниковъ я перейду къ иностраннѣмъ, представляю обзоръ восточныхъ, византійскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, ливонскихъ, скандинавскихъ и западныхъ. Окончивъ обзоръ источниковъ, я представлю очеркъ доисторического существованія Славянъ въ Европѣ, отдѣленіе Русскихъ изъ восточныхъ Славянъ и судьбу ихъ до зачала державы въ IX вѣкѣ. Приступивъ къ описанію русской державы, я постараюсь, сколько дозволять мнѣ мои силы и станеть умѣнья, обратить вниманіе на изслѣдованіе важнаго и еще нерѣшеннаго вопроса о происхожденіи Руси съ новой точки зрѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ я обращу ваше вниманіе на соотношеніе раздробленія Россіи на княженія, съ естественнымъ этнографическимъ надѣломъ народа. Мы представимъ съ одной стороны, что соединило народъ русскій въ жизни и раздѣляло его во все время удѣльного уклада. Потомъ сдѣлаемъ обзоръ проявленія народнаго нравственнаго развитія, народныхъ понятій, взгляда на себя и на міръ, народныхъ страданій, народныхъ вѣровавій и убѣжденій, народнаго воспитанія, народныхъ пороковъ,—словомъ народной жизни

во всѣхъ земляхъ и будемъ останавливаться на такихъ важныхъ событіяхъ, въ которыхъ проявилась народная самодѣятельность. Такимъ образомъ мы начнемъ съ Киева и южной Руси, перейдемъ къ землѣ Кривичей и великому Новгороду, потомъ къ Суздальской землѣ, наконецъ къ Москвѣ и встрѣтимся тамъ съ господствомъ единодержавнаго уклада. Потомъ мы сдѣлаемъ обзоръ жизни, быта и отношенія къ намъ всѣхъ, такъ называемыхъ, инородцевъ. Мы начнемъ наше историко-этнографическое путешествіе съ запада литовскимъ племенемъ, потомъ перейдемъ къ финскому сѣверному, потомъ къ финскому восточно-му, далѣ къ турецкому и монгольскому и, наконецъ, къ народамъ прикаспийскимъ. Обзоръ судьбы сибирскихъ инородцевъ, кавказскихъ горцевъ и закавказцевъ предоставляетъ единодержавному укладу, ибо эти народы поступили въ одно тѣло съ нами уже во время господства единовластія. Такого рода обозрѣніе удѣльно-вѣчеваго уклада русской исторіи будетъ предметомъ моихъ чтеній въ настоящемъ академическомъ году.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

ОБОЗРѦНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ УДѦЛЬНО-ВѦЧЕВАГО УЕЛАДА.

Лѣтописи.

Приступая къ обозрѣнію источниковъ удѣльно-вѣчеваго уклада, мы начнемъ съ лѣтописей. Сперва объяснимъ и покажемъ общій ихъ характеръ и значеніе; потомъ перейдемъ къ изложению состава первой нашей лѣтописи, называемой *Несторовою*, опредѣлимъ ея характеръ, покажемъ составныя ея части, и значеніе ея, какъ источника для узнанія жизни народной; потомъ перейдемъ къ *Кievской лѣтописи* и ея продолженію — *Волынской* или, правильнѣе, *Галицко-Волынской лѣтописи* и т. д.

Лѣтописи наши — это записки, писанныя отчасти свѣтскими людьми, отчасти духовными. Было мнѣніе, что составленіе ихъ принадлежитъ исключительно послѣднимъ, но это несправедливо, ибо въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо замѣтно свѣтское положеніе писателей. Лѣтописей было чрезвычайное множество; большая часть ихъ издана, но многія еще до сихъ поръ

находится въ рукописяхъ, какъ напр. *Нижегородская, Вятская*, чрезвычайно важная, и *Тверская*, которою пользовался Соловьевъ. Лѣтописи имѣютъ тотъ общий характеръ, что всѣ онѣ исходить отъ одного начала, такъ что до XII вѣка образуютъ одну общую лѣтопись, и только съ этихъ поръ развѣтвляются на мѣстныя. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ большое сходство съ исторіею русской жизни и русскаго быта: сначала въ Русской землѣ сохраняется единство, которое прекращается раздѣленіемъ ее въ XII вѣкѣ на многія княжества.

Не слѣдуетъ думать, что лѣтописи и прежде были такъ написаны, какими дошли до насть: первоначальный видъ ихъ не дошелъ до насть и мы имѣемъ только позднѣйшіе сборники, на которыхъ видны слѣды первоначального состава. Важность и достоинство лѣтописей состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что онѣ писались не для удовлетворенія простаго любопытства, но и для специальныхъ практическихъ цѣлей: онѣ имѣли офиціальный характеръ. Доказательствомъ ихъ офиціальности служить слѣдующіе примѣры: въ Никоновской лѣтописи говорится: „*персіи наши властодержцы безъ ильва повелъвашюще всі до- брая и не добрая прилучившася.... написовати*“; — это служить доказательствомъ того, что князья дѣйствительно повелѣвали писать эти лѣтописи. Въ другомъ мѣстѣ той же самой лѣтописи упоминается о томъ же: „*прежначалии отцы намъ предаша, мы же не преминухомъ писати*“ (1). Въ Волынской лѣтописи говорится, что въ 1289 году князь Василько Мстиславичъ приказалъ лѣтописцу записать крамолу города Берестя; слѣдовательно слѣды этого обыкновенія мы видимъ еще въ XIII вѣкѣ. Далѣе, когда въ XIV вѣкѣ князь Василій Васильевичъ Темный судился съ Юриемъ Шемякою предъ ханомъ, то доказывалъ права свои по „*отечеству и дѣденству*“, а Юрий *искаше престола лѣтописцы и старыми списки*. Когда Иоаннъ III замышлялъ уничтожить свободу Новгорода (1471 г.), то взялъ съ собою чело-

(1) Это мѣсто тоже относится къ началу XV столѣтія.

вѣка, знаящаго лѣтописную мудрость, чтобы показать Новгородцамъ ихъ старины преступлія противъ князей и убѣдить ихъ въ томъ, что достоинство князя существовало издревле.

Надо также принять во вниманіе споры нашихъ городовъ между собою, въ которыхъ они должны были ссылаться на предшествовавшія события; следовательно, князья руководствовались свидѣтельствомъ лѣтописей, которые поддерживали ихъ въ спорахъ и неудоумніяхъ.

Что лѣтописи наши имѣли юридическое значеніе, это, наконецъ, подтверждается еще тѣмъ, что въ нихъ найдены многие памятники нашего древняго юридического быта: договоры первыхъ нашихъ князей съ Греками, Русская Правда, разные другие договоры князей, духовная волынскаго князя Василька, а впослѣдствіи даже ханскіе ярлыки. Всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что лѣтописи велись подъ надзоромъ князей и вообще подъ влияніемъ правительства.

Кромѣ этихъ общихъ лѣтописей, были еще лѣтописи церковныя. При церквяхъ и въ монастыряхъ были люди, записывавшіе события, касающіяся церкви вообще, и въ особенности той церкви или того монастыря, гдѣ велась эта лѣтопись. Въ такія лѣтописи вносились причины основанія, а также имена основателей, жертвователей и возобновителей церкви, для вѣчного поминовенія, такъ какъ монастыри и церкви обязывались молиться за нихъ при жизни и по смерти. Иногда то, что записывалось въ церковной лѣтописи, имѣло видъ долгового обязательства; такъ, въ новгородской лѣтописи подъ 1391 годомъ записано, что Софійская церковь дала Новгороду серебра при такомъ-то владыкѣ. Можетъ быть это было и пожертвованіе, а не долговое обязательство, но во всякомъ случаѣ записано оно было не изъ простаго любопытства.

Въ этихъ монастырскихъ и церковныхъ лѣтописахъ записывались разныя естественные события, предзнаменованія и также бѣдствія народныя, имѣющія, по народному вѣрованію,

связь съ предзnamенованиями. Это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы благочестивые люди на будущее время могли остерегаться, замѣчая что либо, и молитвами отклонять гнѣвъ Божій. Такъ, напр., въ лѣтописи Нестора подъ 1071 годомъ, сказано: „въ си времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ, пришедъ бо Кьеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречески земли на Руской, а Русскій на Греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, а вѣрніи же насиѣхаются, глаголюще ему: бѣсть тобою играеть на пагубу тобѣ“. Далѣе говорится о погибели этого кудесника въ одну ночь отъ бѣса.

Церковные лѣтописи также имѣли не одинъ мѣстный характеръ, что можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи: подъ 1542 годомъ записано, что игуменъ Тихвинского монастыря, прѣѣхавъ въ монастырь на Лысой горѣ, вошелъ въ келью келара, разсмотривалъ лѣтопись и нашелъ, что она ведется исправно, только имена церковныхъ владыкъ записаны не всѣ.

Можно себѣ представить, какое огромное число лѣтописей было у нась, если въ каждомъ монастырѣ велась своя отдѣльная лѣтопись. Дѣйствительно, нѣсколько такихъ монастырскихъ записокъ до нась дошло цѣликомъ; напр., З-я Новгородская лѣтопись, приложеніе ко 2-й Новгородской, 6496—7224, гдѣ отмѣчены только церковные события, перечень новгородскихъ владыкъ и проч.

Другое важное значеніе нашихъ лѣтописей то, что они были писаны большею частію современниками и очевидцами событий. Это можно заключать какъ по слогу и характеру рассказа, такъ и потому, что въ лѣтописи вошли многія события, о которыхъ никто не могъ написать, кроме лицъ, прямо участвовавшихъ въ нихъ; наконецъ, это можно видѣть особенно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лѣтописецъ говорить о себѣ. Такъ напр., подъ 1051 г. обѣ основали Печерской Лавры и ея дальнѣйшей исторіи ясно сказано, что эти события описаны современни-

комъ; лѣтописецъ говорить, что онъ пришелъ въ Кіево-Печерскій монастырь къ преподобному Феодосію: „къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣть ми сущю¹⁷ отъ роженья моего“. Подъ 1064 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о разныхъ дурныхъ предѣщаніяхъ и, между прочимъ, говорить, что онъ вмѣстѣ съ другими былъ въ Кіевѣ, когда вытащили изъ рѣки сѣтами урода: „его же позоровахомъ до вечера“. Подъ 1090 г. лѣтописецъ говоритъ, что прїѣхалъ новый митрополитъ и прибавляетъ, что не знаетъ — будетъ ли онъ такой, какъ прежній. Подъ 1093 годомъ, описывая погребеніе св. Феодосія, лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ этого событія. Подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ о нашествіи Полоцкаго хана Боняка (прозваннаго русскими Шелудивымъ) на Печерскій монастырь, читаемъ: „и придоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутреніи.... намъ же бѣжающимъ за домъ манастиря.... намъ нисходящимъ (со стѣны) съ оружіемъ.“ Ясно, что писавшій былъ не только современникъ, но и очевидецъ, знающій всѣ подробности событія. Подъ 1097 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что князь Давидъ Игоревичъ послалъ его къ осѣпленному Васильку, называетъ самаго себя Василемъ, и указываетъ, что онъ находился тогда во Владимирѣ Волынскомъ.. Подъ 1106 г. читаемъ: „преставися Янь, старецъ добрый... отъ него же и азъ многа слова слыхахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаны семъ“. Подъ 1114 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ посѣщалъ Ладогу.

По Кіевской лѣтописи, промежутокъ времени отъ 1146 до 1157 года описанъ съ такими подробностями, какія могъ знать только очевидецъ. Подъ 1171 г. лѣтописецъ говоритъ о себѣ, что онъ ъздилъ въ Вышгородъ за тѣломъ умершаго князя Владимира Мстиславича. Подъ 1175 годомъ лѣтописецъ, описывая смерть Андрея Боголюбскаго, взыываетъ къ душѣ убитаго и просить ее молиться за живаго князя, брата

Андреева. Подъ 1180 годомъ Суздальскій лѣтописецъ разсказываетъ, что оять участвовалъ въ войнѣ, былъ въ походахъ, что стража непріятельская перешла черезъ рѣку, что *наши* сдѣлали то и то. Подъ тѣмъ же годомъ далѣе: „сторожеве Романове перебродилися баху черезъ Оку и укрѣпиша съ *нашими* сторожи, и Богъ поможе *нашимъ* сторожемъ....“ Слово *наши* показываетъ, что лѣтописецъ былъ суздалецъ. Далѣе, подъ 1226 годомъ говорится, что онъ (т. е. лѣтописецъ) стоялъ на стѣнѣ города Гадича въ то время, когда къ нему подступали враги и нападалъ король Венгерскій. Подъ 1230 годомъ лѣтописецъ, говоря о событияхъ въ южной Руси, скаживаетъ, что ему сообщали о нихъ очевидцы. Подъ 1279 годомъ говорится о смерти Владимира Васильковича и прибавляется, что его сынъ живъ еще. Въ 1421 году, по поводу наводненія въ Новгородѣ, лѣтописецъ говоритъ о причинахъ наводненія, сравнивая видѣнное имъ лично съ тѣмъ, что записано въ прежнихъ сказаніяхъ. Этихъ свидѣтельствъ достаточно для доказательства, что извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ записывались современниками. Эти два качества нашихъ лѣтописей: официальное значеніе, какое они имѣли въ древности, и современность лѣтописателей описываемыи событиямъ, составляютъ важное достоинство ихъ достовѣрности.

Лѣтописи наши, какъ мы сказали, сначала составляютъ одно пѣлое до начала XII вѣка, именно, до 1110 года; съ этихъ порь лѣтописное повѣствованіе теряетъ свое единство и начинаетъ развѣтвляться: образуются частныя лѣтописи, повѣствующія о событияхъ русскихъ земель и присоединяются къ главной, первоначальной лѣтописи. Такъ, въ видѣ продолженія послѣдней, является *кіевская* лѣтопись, обнимающая события Южной Руси въ XII вѣкѣ, преимущественно Кіева; она прерывается на 1200 годѣ. Съ этого времени безъ начала, (по всему видно нѣкогда существовавшаго, но теперь утраченного) слѣдуетъ лѣтопись, названная *волынскою*, но которая правильнѣе должна быть названа *галіцко-волынскою*; она прерывается на

1305 годъ. Съ половины XII вѣка отъ кіевской лѣтописи отдѣляется лѣтопись *сузdalьская*, примыкающая къ позднѣйшимъ московскимъ. Ея варіантъ, доведенный до втораго десятилѣтія XIII вѣка, составляетъ лѣтопись *переяславльская*. Въ XIV столѣтіи возникла лѣтопись *тверская*, которой отрывки сохранились въ нѣкоторыхъ спискахъ, перемѣшанныхъ съ частями суздальской. На сѣверѣ образуется свой особый циклъ лѣтописей, посвященныхъ почти исключительно дѣламъ Новгорода и Пскова. Смоленская земля имѣла свою особую лѣтопись, которой обломки вошли въ западно-русскія лѣтописи XIV и XV в. Эти послѣднія, какъ и сѣверныя, составляютъ свой мѣстный циклъ и обнимаютъ события со времени образования литовской державы. Существовали еще нѣкоторыя мѣстныя лѣтописи, не дошедшия до насъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, но извѣстія изъ нихъ сохранились въ позднихъ редакціяхъ. Таковы лѣтописи: вятская, нижегородская, Устюга Великаго.

По мѣрѣ того, какъ земля русская начинаетъ подходить къ единодержавному укладу, и лѣтописи наши сводятся въ огромные своды, въ которыхъ отдѣльные лѣтописи опять соединяются вмѣстѣ; таковы своды: Софійский, Воскресенскій и Никоновскій.

*The dates in this
section are all
unreliable!*

ЛѢТОПИСЬ, ПРИПИСЫВАЕМАЯ НЕСТОРУ.

Первоначальная лѣтопись (до 1110 г.) извѣстна подъ именемъ *несторовой*. Ее приписывали преподобному Нестору, монаху Кіево-Печерскаго Монастыря, извѣстному въ житіяхъ подъ именемъ Нестора, Чудотворца Печерскаго, и доказывали принадлежность ему лѣтописи тѣмъ, что на нѣкоторыхъ спискахъ было надписано имя Нестора. — По свидѣтельству Татищева, Миллера, Карамзина и Переvoщикова на нѣкоторыхъ спискахъ написано имя Нестора, а именно: на Хлѣбниковскомъ, на трехъ, извѣстныхъ Татищеву, на архивскомъ; но всѣ такія приписки и надписки сдѣланы переписчиками или владѣльцами

списковъ уже въ позднѣйшія времена, и онѣ доказываютъ только то, что существовало преданіе, приписывавшее Нестору составленіе первоначальной лѣтописи. Другое, приводимое доказательство — это посланіе Кіево-Печерскаго монаха Поликарпа къ Акиндину, помѣщенное въ Патерикѣ. Тамъ говорится, что Несторъ лѣтописецъ написалъ житія преподобныхъ святыхъ Даміана, Іереміи, Матея и Исакія; и эти самыя житія есть и въ лѣтописи; по этому заключили, что лѣтопись писалъ Несторъ; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ спискахъ при самомъ началѣ лѣтописи находятся заглавіе: *Повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Феодосієва монастыря Нестора*, а въ воскресенскомъ списѣ, при извѣстіи о погребеніи св. Феодосія, сочинитель даетъ о себѣ знать, что онъ Печерскій инокъ и писалъ лѣтопись (аэъ же грѣшный инокъ и лѣтописаніе се въ то время писахъ); въ патерикѣ же этотъ самый лѣтописецъ, бывшій при открытии мощей св. Феодосія, названъ Несторомъ.

Точно, существовалъ Несторъ, лѣтописецъ печерскій, и дѣйствительно участвовалъ въ составленіи нашей старой лѣтописи; но вся-ли лѣтопись написана Несторомъ? Конечно нѣть, когда въ ней же указываются другіе составители. Подъ 1110 годомъ говорится: „игуменъ Сильвестръ написаъ книгу си“; а нѣсколько ранѣе, именно, подъ 1098 г. говорить о себѣ лично другое лицо, какой-то Василій, жившій не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ Волынскомъ; слѣдовательно лѣтопись писана разными лицами.

О Несторѣ мы знаемъ изъ свидѣтельства Поликарпова, что онѣ списывали житія нѣкоторыхъ святыхъ и эти житія вошли въ лѣтопись. Въ Печерскомъ Патерикѣ говорится о немъ, какъ о лѣтописателѣ Печерскаго монастыря, передавшемъ потомству разсказъ объ открытии мощей Феодосія. Въ монастыряхъ издавна было въ обычай вести лѣтописныя записи; безъ сомнѣнія они велись и въ Печерскомъ монастырѣ, который рано прославился передъ другими обителями, и потому его записи могли имѣть особенную важность. Вѣроятно, Несторъ

Not in the
Laurentian.

писалъ Печерскую лѣтопись и эта монастырская лѣтопись за-
засенена была въ нашу, какъ одна изъ составныхъ частей ея;
вероятно все, что въ ней относится къ Печерскому монастырю
взято изъ этой монастырской лѣтописи, писанной, между про-
чимъ, и Несторомъ; но не все, заключающееся въ ней, слѣ-
дуетъ приписывать монаху или вообще Печерской обители, въ
особенности разсказы о древнихъ событіяхъ на Руси. Укажемъ
на старинное произведение нашей литературы: „Чтение о житіи
и о поублѣніи блаженнюю страстотерпцю Бориса и Глѣба“.
Оно известно намъ по списку XIV вѣка, но нѣть никакого
сомнія, что составлено гораздо раньше, ибо въ Публичной
Библіотекѣ существуетъ отрывокъ ея, писанный въ XII вѣкѣ.
Это сочиненіе составлено Несторомъ, о чёмъ говорится прямо:
Се же азъ Несторъ гръшній о житіи и о поублѣніи и о чудесахъ святою и блаженюю страстотерпцю сею опасинъ вѣдущихъ исписавъ а другая самъ сельды отъ многихъ мало вписахъ.
Оно представляетъ важный противорѣчія съ тѣмъ, что сказывается
объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ въ лѣтописи. Такъ напр., въ
житіи говорится, что до Владимира святаго ни одного апостола не
было въ Россіи,—а въ лѣтописи помѣщена легенда объ апо-
столѣ Андреѣ, который водрузилъ крестъ на горѣ въ Кіевѣ и
доходилъ даже до Новгорода. Въ житіи говорится, что Влади-
миръ далъ Борису городъ Владимиръ на Волыни, а въ лѣ-
тописи—Ростовъ. Въ житіи говорится, что когда Владимиръ умеръ,
то Святополкъ прибылъ въ Кіевъ, а въ лѣтописи — что онъ
находился въ Кіевѣ. Наконецъ, и въ самонъ разсказѣ объ
убієніи Бориса и Глѣба, помѣщенному также и въ лѣтописи,
есть мѣста, взаимно противорѣчачія. Такъ, въ лѣтописи говорит-
ся, что убійцы только ранили Бориса, привезли его на телегѣ
еще дышащимъ и Святополкъ приказалъ варягамъ добить его,
а въ житіи, — что убійцы, ударивъ Бориса въ сердце, умерт-
вили сразу и привезли его къ Святополку уже мертвымъ. Въ
житіи говорится, что когда убійцы пришли умертвить Глѣба, то
онъ не зналъ о злодѣйскомъ намѣреніи убить брата, а въ лѣ-

тописи, — что онъ былъ обь этомъ предувѣдомленъ. Наконецъ, по житію Борисъ отправился на войну противъ какихъ-то не-вѣдомыхъ враговъ, а по лѣтописи — противъ Печенѣговъ.

Всѣ эти противорѣчія показываютъ, что если житіе писано неоспоримо Несторомъ, то лѣтопись никакъ нельзя приписывать ему-же. Кроме того, въ самой лѣтописи встрѣчаются такія противорѣчія, которая были бы невозможны, если бы писалъ ее одинъ человѣкъ, а произошли, конечно, только тогда, когда существовали отдѣльные части, писанные разными лицами и уже послѣ сложенія. Наш., какъ могъ одинъ и тотъ же лѣтописецъ составить сказаніе обь Олегѣ и Владимира, когда при первомъ Переяславль является въ числѣ городовъ Русскихъ, а въ книженіи втораго подробнѣ говорится обь основаніи этого города. Въ лѣтописи подъ 1059 сказано: „въ сень же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеvolодъ, и Всеславъ, совокупивши вои безчислены, поидаша на конихъ и въ лодяхъ безчислено множество на Торки. Се слышавше Торцы, убоявшись, прибѣгоща и до сего дне и помрота бѣгающи, Божиимъ гнѣвомъ гонимы ови отъ змиы, друзіе же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Божиимъ“; а подъ 1080 годомъ обять говорится о Торкахъ: „заратилася Торцы Переяславстїи на Русь; Всеvolодъ же послалъ сына своего Володимера; Володимеръ-же шедъ побѣди Тѣркы“. Ясно, что писавшій подъ 1059 г. былъ не тотъ, кто писалъ о событияхъ подъ 1080 г. Эти несообразности не позволяютъ думать, что всю лѣтопись писалъ одинъ и тотъ же Несторъ.

Еще важнѣе разница въ тонѣ и характерѣ разсказа лѣтописи. Безпричастіе въ разсказѣ о язычникахъ показываетъ, что иногда идета въ лѣтописи писаны мірянами, особенно въ началѣ, потому что монахъ XII вѣка никакъ не могъ выразить сочувствія къ язычнику Святославу въ войнѣ его съ Греками. Такой тонъ едва ли могъ придать монахъ, сердцу которого православная Греція была ближе, чѣмъ языческая Русь. Кто же связалъ эти части? Отвѣтъ мы находимъ въ самой

лѣтописи, гдѣ, подъ 1110 годомъ, встрѣчаємъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописець, надѣясь отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, книжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменѧющю у святаго Михаила, въ 6624 индикта 9 лѣта, а иже четьре книги сія, то буди ми въ молитвахъ.“ Въ другомъ мѣстѣ, именно, при началѣ лѣтописнаго повѣтствованія онъ тоже говорить о себѣ, указывая и на время, когда онъ жилъ. Онъ разбираетъ описываемое древнее время на періоды отъ одного князя до другаго: „отъ смерти Святослава до смерти Ярослава лѣть 85, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка лѣть 60.“ Смерть Святополка послѣдняя, известная ему эпоха; слѣдовательно, писавшій жилъ при Владимирѣ Мономахѣ, Сильвестръ и говорить о себѣ тоже самое. Очевидно, что приведенная выше приписка подъ 1110 годомъ и послѣднее мѣсто, изъясняющее способъ составленія всей лѣтописи, принадлежать одному и тому же лицу. Выше того онъ сказалъ о себѣ: „числа положимъ“. И такъ, кто полагалъ числа, то есть, кто разбивалъ повѣсть по годамъ, или, что все равно, составлялъ лѣтопись, тотъ игуменствовалъ при Владимирѣ Мономахѣ; а подъ 1110 годомъ былъ игуменомъ тотъ же Сильвестръ. И такъ, Сильвестръ есть составитель лѣтописи, и лѣтопись по справедливости должна называться Сильвестрова, а не Несторова. Но несходство въ тонѣ, несообразность частей и, иаконецъ, встрѣчаемыя противорѣчія показываютъ, что части лѣтописи писаны разными лицами и Сильвестру могутъ принадлежать только ближайшія къ его времени извѣстія, и распределеніе по числамъ другихъ съ нѣкоторыми дополненіями. Дѣло Сильвестра есть сводъ отдѣльныхъ сказаний. Этотъ Сильвестръ внесъ въ свой трудъ Несторову лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря, относящуюся до дѣлъ этой обители и составляющую только незначительную часть всей лѣтописи. Не все, что касается Кіево-Печерскаго монастыря, писано Несторомъ. Это можно заключить изъ слѣдующаго обстоятельства: подъ 1051 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о себѣ, говорить о прибытіи своемъ

въ Киево-Печерскій монастырь и о постриженіи отъ Феодосія. Прежде это място приписывали Нестору, но въ одномъ рукописномъ патерикѣ XVI вѣка говорится, что Несторъ пришелъ не при Феодосіи, а при его преемнике Стефанѣ, и слѣдовательно извѣстіе, помѣщенное подъ приведеннымъ годомъ, принадлежитъ не Нестору, а какому то другому лѣтописцу, писавшему прежде его.

Приступимъ теперь къ анализу свода, сдѣланнаго Сильвестромъ.

Лѣтопись наша начинается предисловіемъ безъ годовъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ. „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити и откуду руская земля стала есть“. Это заглавіе удобнѣе примѣняется не къ цѣлой лѣтописи, но именно къ одной только повѣсти, составляющей предисловіе къ лѣтописи. Собственно лѣтопись начинается словами: „въ лѣто 6360 индикта 15 наченши Михаилу царствовать начася прозывати Руска земля;“ ибо заглавіе „се повѣсти временныхъ лѣтъ . . .“ и проч. показываетъ, что повѣствователь не имѣть въ виду разсказывать по слѣдовательно судьбу русской земли, а только рѣшить вопросъ: какъ она возникла. Здѣсь два раза употребляется выраженіе „русская земля“ и оба раза въ различныхъ значеніяхъ, въ общирномъ и тѣсномъ. Въ первомъ смыслѣ подъ „рускомъ землею“ надо разумѣть всю сумму народовъ, соединенныхъ подъ общимъ именемъ Руси („откуду есть пошла руская земля“), во второмъ же „русская земля“ („кто въ Киевѣ нача первѣе княжити и откуду руская земля стала есть“) — это собственно земля кievская, за которую усвоилось это название.

Содержаніе повѣсти составляютъ: происхожденіе Славянъ и ихъ разселеніе, отдѣленіе Славянъ русскихъ отъ другихъ, преданія о судьбѣ славянскихъ народовъ, этнографія русского материка и древняя история Полянъ. Сказаніе о прибытии Варяговъ можетъ принадлежать къ той же повѣсти. Самая повѣсть эта носить характеръ составности въ свою очередь. Ей начало о раздѣленіи земли между дѣтьми Нои и о разселеніи

народовъ взято изъ греческаго хронографа Георгія Амартола. Вѣроятно повѣствователь пользовался славяно-болгарскимъ переводомъ Амартола. Тамъ, гдѣ свѣдѣній у Георгія Амартола недостаетъ, русскій лѣтописецъ дополняетъ собственными свѣденіями о народахъ сѣверныхъ, о чёмъ у Амартола вѣтъ. Согласно Амартолу, рассказываетъ онъ о вавилонскомъ столпотвореніе и прицѣпляеть къ нему собственное изложеніе о разселеніи Славянъ, говорить о пути изъ Варягъ въ Греки и обратно. За тѣмъ слѣдуетъ легенда о св. Андреѣ, потомъ рассказывается исторія Полянъ; разсказъ прерывается исчислениемъ народовъ въ Руси, описаніемъ судьбы Славянъ дунайскихъ и Дулебовъ, потомъ опять повѣствователь принимается за исчисление Славянъ въ Руси, описываетъ ихъ нравы, далѣе снова дѣлаетъ выписку отъ Георгія Амартола о нравахъ разныхъ народовъ, въ паралель къ описаннымъ прежде нравамъ Славянъ, указываетъ при этомъ на Половцевъ, заявляя тѣмъ, что самъ живеть и пишеть не ранѣе второй половины XI в., когда Половцы стали известны; далѣе переходитъ снова къ исторіи Полянъ.

Составные части этой повѣсти: 1) отрывки изъ Георгія Амартола, 2) дополненіе къ нимъ русскаго повѣствователя, 3) легенда о св. Андреѣ, 4) исчисленіе народовъ въ русскомъ мірѣ и 5) исторія Полянъ. Эти части перепутаны. Послѣ смерти Кія, Щека и Хорева помѣщается описание народовъ, живущихъ со Славянами на русскомъ материкѣ, потомъ слѣдуютъ дѣла дунайскихъ Славянъ, но это кажется не на мѣстѣ; послѣ смерти трехъ братьевъ непосредственно слѣдовало бы: „по смерти братъ сея быша обидими древляни“; допуская же означенныя выше вставки на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нынѣ находится, оказывается противорѣчіе, а именно: 1) въ описаніи славянскихъ народовъ говорится: „живяху въ мірѣ Поляне и Древляне“, а въ другомъ мѣстѣ, которое, какъ мы сказали, по своему тону можетъ служить непосредственнымъ продолженіемъ исторіи Полянъ, говорится о Полянахъ: „быша обидими Древляны“;

2) вставка объ инородцахъ, дающихъ дань Руси, неумѣстна; допуская ее тамъ, гдѣ она стоитъ, выходитъ, что послѣ смерти братьевъ до пришествія не только Хозаръ, но и Обровъ, эти народы платили дань Руси; 3) вставка о пришествіи народовъ на дунайскихъ Славянъ, также не на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что говорится: „Словеномъ же якоже рекохомъ, живущимъ на Дунаи“ и подается мысль, что слѣдующія за тѣмъ событія совершились до прибытія Славянъ съ Дунаемъ. Кажется, что у составителя этой повѣсти было какое то сказаніе о судьбѣ Полянъ, которое у него, а можетъ быть у его переписчиковъ, впослѣдствіи разорвалось и перебилось съ другими частями; другой источникъ его былъ Георгій Амартоль; изъ него-то, кромѣ выписокъ, заимствовано и извѣстіе объ отношеніяхъ Угровъ и Обровъ къ Ираклію; наконецъ составитель прибавилъ собственныя свѣдѣнія о народахъ.

Далѣе начинается лѣтопись съ числами, въ которой намъ особенно бросается въ глаза то, что часто надъ однимъ разсказомъ встрѣчается нѣсколько годовъ, а иногда стоять одни годы безъ событій. Г. Сухомлиновъ это объясняетъ тѣмъ, что лѣтописецъ имѣлъ подъ рукою пасхальные таблицы и вписывалъ туда, что помнилъ; а гдѣ не зналъ о событіи, оставлялъ годы пустыми (*). Дѣйствительно, быть можетъ пасхальные таблицы и служили Сильвестру для постановки годовъ и повѣрки времени, но тонъ повѣствованія показываетъ, что лѣтописецъ имѣлъ подъ рукой уже готовые разсказы безъ годовъ, разлагать ихъ на годы, а тамъ, гдѣ не зналъ, къ какому году отнести событіе, ставилъ при немъ нѣсколько годовъ. Въ другихъ случаяхъ шла рѣчь о такихъ событіяхъ, которые продолжались нѣсколько лѣтъ, какъ напр. крещеніе Болгарской земли, изгнаніе Варяговъ и проч.; можетъ быть годы были даже выставлены другимъ лѣтописцемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказъ доходитъ до

(*) См. сочиненіе его „О русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ“ Спб. 1856.

драматичности, въ другихъ—едва упоминается о событии. Послѣднія, вѣроятно, не находились въ повѣствованіи, которое лѣтописецъ разбивалъ по годамъ, и включены имъ или по памяти, или изъ краткихъ письменныхъ извѣстій, отъ того и они кратки и рѣзко отличаются отъ другихъ частей лѣтописи, заключающихъ подробныя повѣствованія.

Основаніемъ Сильвестрова свода служила повѣсть древнихъ лѣтъ, быть можетъ начинавшаяся съ изгнанія Варяговъ, а можетъ быть составлявшая одно цѣлое съ предисловіемъ, не вошедшими въ числовую часть. Кромѣ небольшихъ вставокъ, занесенныхъ въ нее лѣтописцемъ при разложеніи ея по годамъ, въ нее внесены еще большія вставки, каковы напр.: лѣтопись Печерскаго монастыря, повѣсть объ убиеніи Бориса и Глѣба, повѣсть о крещеніи Владимира, договоры князей, духовная Мономаха и проч. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ составилась лѣтопись, ея части существовали отдельно, какъ особыя сочиненія: въ этомъ убеждаетъ нась общий характеръ нашихъ лѣтописныхъ разсказовъ и въ послѣдующія времена. Наши позднѣйшіе лѣтописные своды составлялись также изъ особыхъ сочиненій и тѣ же самыя части, которые внесены въ лѣтописи, существуютъ отдельно въ сборникахъ, какъ независимы одно отъ другого повѣствованія; а, соединенные въ лѣтописи такъ случайно, и тамъ различаются между собою складомъ своего первоначального вида. Точно тоже и въ первомъ, древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ — Сильвестровскомъ. Составные части его, соединенные разбивкою по годамъ, сохраняютъ свой отличный характеръ. Тонъ первоначальной повѣсти старыхъ временъ даетъ себя знать повсюду между другими вставками, такъ что, не смотря на смѣщенія, перестановку частей, измѣненія въ слогѣ, совершившіеся въ теченіи вѣковъ, до сихъ поръ можно прослѣдить его, какъ иногда можно прослѣдить воду одной рѣки, впавшей въ другую. Мѣста, принадлежащія этой повѣсти, и текстъ ея выказываются наружу народнымъ складомъ, простотою выраженія и пластичностью разсказа. Эта первоначальная повѣсть составляетъ, по формѣ разсказа, переходъ отъ эпоса

неиз. авт.

къ исторії, но по содержанию принадлежитъ более послѣдней, потому что события описываются въ ней съ характеромъ дѣйствительности. На ней лежитъ отпечатокъ одной руки; авторъ ея былъ христіанинъ, но не духовное лицо; церковное краснорѣчіе вплетено въ лѣтопись тамъ, где очевидны вставки въ повѣсть. Въ той вѣкъ духовное лицо не могло бы удержаться отъ византийского образца краснорѣчія, и дѣйствительно, оно вездѣ прорывается, где только дѣлается ощущительной иная рука — не та, которая писала первоначально повѣствованіе. Возстановить эту древнюю повѣсть было бы возможно до нѣкоторой степени, но это было бы дѣло скорѣе художественное, чѣмъ ученое; и возстановителю пришлось бы руководствоваться скорѣе художественнымъ тактомъ, чѣмъ учеными доводами.

Въсюре!

Анализируя числовую лѣтопись или Сильвестровский сводъ, мы найдемъ въ немъ слѣдующія составные части:

1) Повѣсть древнихъ лѣтъ, перебитую вставками. Для указанія ея границъ, надобно слѣдить за тономъ рассказчика, сличивъ съ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ. Она оканчивается за нѣсколько лѣтъ до смерти Ярослава, можетъ быть 1043 годомъ, послѣднимъ походомъ Русскихъ на Грецію, потому что впослѣдствіи тонъ рассказа значительно измѣняется, прежняя простота исчезаетъ и становится ощущительнымъ господство риторики.

2) Лѣтопись, или повѣсть Печерская въ сводѣ является подъ 6559 годомъ. Ей предыдущимъ, можетъ быть, самимъ сочинителемъ, а можетъ быть и составителемъ свода выражено въ качествѣ заглавія: „се до скажемъ что ради презваль Печерскій монастырь“. За этими словами начинается очевидный текстъ Печерскій лѣтописи „Боголюбивому князю Ярославу“ и проч. Говорится объ основаніи Печерской обители словами самого монастырского повѣстователя: „се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почаль быти монастырь и что ради зовети Печерскій и о Феодосіевѣ житіи потомъ скажемъ“. Числовой лѣтописецъ (сводчикъ) прерываетъ сказаніе монастырского повѣстователя и включаетъ другія извѣстія. Слѣдующія по порядку въ Печер-

*

(5)
55%
100

ской повѣсти мѣста, являются въ сводѣ подъ 1594 годомъ о Феодосіѣ и другихъ святыхъ, и прекращаются подъ тѣмъ же годомъ словами: „ему же слава аминь“. Потомъ слѣдуютъ событія, взятыя изъ другихъ источниковъ; а подъ 1601 годомъ опять возобновляется монастырское повѣствованіе, рассказывающее о перенесеніи мощей преподобнаго Феодосія и оканчивается словами: „моли за мя отче честный избавлену быти отъ сѣти непріязнены и отъ противнаго врага соблюди мя твоими молитвами“. Подъ 1090 годомъ включено изъ той же повѣсти извѣстіе о нападеніи Боняка на монастырь.

3) Разсказъ о Кириллѣ и Меѳодіи и о просвѣщеніи Славянъ. Такихъ разсказовъ было много въ старину по славянски, особенно въ Панноніи. Житіе, помѣщенное въ нашей лѣтописи, принадлежитъ къ этому послѣднему циклу, но заключаетъ въ себѣ отличительныя подробности.

4) Договоры Олега, Игоря и Святослава, какъ можно думать, переведенные съ Греческаго и внесенные въ переводѣ въ сводъ цѣликомъ.

5) Исторія обращенія св. Владимира. Источники ея до вѣ-
которой степени указаны г. Сухомлинскимъ въ его сочиненіи
о русской лѣтописи. Основаніемъ этой исторіи служить житіе
св. Владимира. Подобное житіе, напечатанное въ „Христіанскомъ
Чтенії“ за 1849 г., приписывается монаху Іакову. Лѣтописное
житіе имѣетъ съ нимъ сходство, но также и различія и можетъ
считаться его варіантомъ. Сверхъ житія, въ эту исторію вошло
поученіе греческаго философа Владиміру, гдѣ повѣствованія о
событіяхъ священной исторіи заимствованы изъ св. Писанія изъ
Палеи. Есть сказанія, не находящіяся въ извѣстныхъ намъ варіан-
тахъ Палеи Дамаскина и, можетъ быть, взяты изъ другихъ. Кроме
того, въ ту же исторію вошло исповѣданіе вѣры, переводъ съ
греческаго подлинника Михаила Синкела. Переводъ находится
также въ Святославскомъ сборникеъ 1073 года.

6) Исторія Бориса и Глѣба составляетъ сокращеніе про-
страннаго житія, сочиненнаго монахомъ Іаковомъ и извѣстнаго по

печатаному изданию въ „Извѣстіяхъ 2 Отдѣленія Академіи Наукъ“ 1852 и 1853 года.

7) Духовная Мономаха.

8) Благочестивыя поученія, которыя очевидно должны быть проповѣдами того же времени. Таково подъ 1067 годомъ по поводу половецкаго нашествія отъ словъ: „Нашлетъ бо Богъ по гиѣву своему иноплеменники на землю“ до словъ: „да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всяческия и нахоженія разныя по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ“. Подъ 1078 г. послѣ описанія смерти Изяслава риторическое размышленіе, должно думать, есть проповѣдь, говоренная при его погребеніи. Подъ 1093 г., по поводу нашествія Половцевъ, опять явно проповѣдь, начиная со словъ: „се бо на вы Богъ попусти. ....“ до словъ: „се бо азъ согрѣшаю по вся дни“.

9) Рассказъ о кудесникѣ подъ 1071 годомъ, какъ не принадлежащей къ исторіи Южнорусскаго края, есть очевидно особый эпизодъ, внесенный въ сводъ.

10) Тоже надобно сказать о рассказѣ Поряты, говорящаго о Югрѣ; а прикрѣпленный къ нему рассказъ объ Александрѣ Македонскомъ, и о заключенныхъ имъ въ горы грѣшникахъ, взять изъ Меѳодія Натарскаго, котораго славянскіе переводы существовали въ старину.

11) Рассказъ о Василькѣ.

12) Извлеченія изъ византійскихъ писателей; напримѣръ, по поводу находки урода въ Ситомли, приводятся мѣста о подобныхъ необычныхъ событіяхъ при Антіохѣ въ Іерусалимѣ, тоже при Нeronѣ, при Ниѳонтѣ, при Маврикіѣ, при Константинѣ Иконоборцѣ.

Лѣтопись, какъ исторія народной жизни, вообще представляетъ много интереснаго и драгоценнаго, но особеннаго вниманія заслуживають мѣста, содержащія описание быта и нравовъ древнейшихъ Славянъ, еще до пришествія Варяговъ, отношенія слав-

вянскихъ племенъ между собою, напр. борьба Полянъ съ Древлянами, интересная история Владимира и жизнь его послѣ принятия христианства, геройскія войны съ Греками и Половцами, разсказъ объ осажденіи Василька и проч.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

КІЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Непосредственнымъ продолженіемъ Сильвестровой лѣтописи служить лѣтопись кіевская, сохранившаяся до 1200 года, на которомъ прерывается дошедшая до насъ часть ея. То, что въ ней сохранилось, можетъ быть раздѣлено на двѣ части: въ первой (до 1146 г.) лѣтопись представляетъ неравномѣрный въ объемѣ описанія сборникъ разныхъ событий: одинъ рассказы-ваются пространнѣе, другія короче; вообще разсказъ идетъ отрывочнѣе, чѣмъ въ Сильвестровскомъ сводѣ; но во второй ча-сти (послѣ 1146 г.) лѣтопись принимаетъ характеръ подробнаго разсказа и дѣлается полнѣе и оживленнѣе; лѣтописецъ говорить о себѣ, подъ 1171 и 1172 г., при описаніи пере-несенія тѣла Владимира Мстиславича, (поидохомъ съ Володими-ромъ изъ Вышегорода). Соображая, кто-бы могъ быть этотъ, говорящій о себѣ, можно открыть, что это былъ Симеонъ, игу-менъ Андреевскаго монастыря въ Кіевѣ, ибо выше того гово-рится, что князь Глѣбъ послалъ въ Вышгородъ взять и приве-сти въ Кіевъ тѣло умершаго князя Владимира Андреевича,

двухъ игуменовъ, Печерского Поликарпа и Андреевскаго Симеона. Черезъ нѣсколько строкъ послѣ этого извѣстія, говорится: „поидохомъ съ Володимеромъ (мертвымъ)“. Пишущій такимъ образомъ долженъ быть кто-нибудь изъ двухъ: либо игуменъ Печерскій Поликарпъ, либо Андреевскій Симеонъ; но ниже о Поликарпѣ говорится въ третьемъ лицѣ: *и*гуменъ же, *рече* Поликарпъ; слѣдовательно, говорящій о себѣ въ словѣ *поидохомъ* долженъ быть товарищъ его, игуменъ Симеонъ. Впрочемъ, нельзя предполагать, чтобы вся эта лѣтопись была сложена имъ однимъ и потому уже, что она обнимаетъ время больше, чѣмъ заключаетъ обычное теченіе человѣческой жизни, и также потому, что оказываются разныя руки въ ея составѣ, ибо при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи видно, какъ явно отличается первая часть отъ второй. Гранью между Сильвестровской и Киевской лѣтописями слѣдуетъ принять извѣстіе о походѣ Владимира Мономаха съ князьями на Половцевъ. Этотъ разсказъ долженъ быть отдѣльнымъ эпизодомъ отъ всей Киевской лѣтописи по своему особенному стилю.

На самой границѣ ея съ Сильвестровымъ сводомъ, подъ 1111 годомъ, разсказывается о походѣ на Половцевъ; въ началѣ этого описанія говорится о сеймѣ и о совѣтѣ, который держали Владимиръ Мономахъ, Игорь, Святополкъ, Олегъ и другіе князья въ Долобѣскѣ, близъ Киева. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ тоже событие помѣщено подъ 1103 годомъ. Обстоятельства похода тамъ и здѣсь описаны такъ бѣдно, что не знаешь, къ какому году правильнѣе слѣдуетъ ихъ отнести. Видно, что описание этого похода есть эпизодъ, внесенный въ послѣдствіе въ Киевскую лѣтопись, составляя первоначально самобытно сочиненное сказаніе. Это доказывается и словомъ *аминъ на концѣ*, которое въ нашей древней литературѣ употреблялось при окончаніи сочиненія. Подъ 1094 годомъ помѣщены анекдотъ о стеклянныхъ глазкахъ, выбрасываемыхъ волнами Волхова, и о бѣлкахъ и оленяхъ, падающихъ съ облаковъ въ Югрѣ; по поводу этого послѣдняго факта онъ приводитъ иѣсто изъ хронографа Малаги о сере-

бранныхъ кроахъ пшеницы и калачахъ, спадающихъ съ неба (*) и о египетскомъ миѳѣ Феоста, состоящемъ въ аналогии со славянскимъ миѳомъ о Соварогѣ и Даждьбогѣ. О дивахъ въ Ладогѣ и Югрѣ разсказъ взять отъ лица, бывшаго въ Ладогѣ и слышавшаго отъ ладожского посадника и ладожскихъ жителей. Эти мѣста должны были или составлять особый разсказъ, случайно занесенный переписчиками въ кievскую лѣтопись, или же онъ впослѣдствіи перешелъ туда изъ новгородскихъ лѣтописей, ибо приведенъ по случаю построенія въ Ладогѣ. Его складъ особый; кievская лѣтопись постоянно вращается въ кругу событий, относящихся къ Южной Руси, нигдѣ не занимается дѣлами Сѣвера и извѣстіе о поправкѣ Ладоги совсѣмъ не идетъ къ ней, ибо она не говоритъ ни о внутреннемъ бытѣ Новгорода, ни о его пригородахъ.

И такъ, въ Кievскую лѣтопись входили мѣста, не принадлежащія ей собственно. Анализируя ея, открывается, что она, какъ и Сильвестровскій сводъ, разлагается на составные части. Въ началѣ, послѣ 1111 года, лѣтопись состоитъ изъ краткихъ отрывковъ, не связанныхъ между собою единствомъ содержанія и только съ прибавленіемъ словъ: „того же лѣта“, или „въ томъ же лѣтѣ“; подъ одними годами событий болѣе, подъ другими менѣе; напр. подъ 1119 г. два события упоминаются отрывисто: „Володимерь взя Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кьеву. Томъ же лѣтѣ преставися Глѣбъ въ Кievѣ—Всеславичъ, сентября 13“. Напротивъ, подъ 1117 г. такихъ событий, такимъ же образомъ изложенныхъ, семь сряду. Встрѣ-

(*) Въ се-же лѣто заложена бысть Ладога каменiemъ на приспѣ, Павлою посадникомъ при князѣ Мѣстиславѣ. Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдоша ми Ладожане, яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, и надѣять дѣти наши глазки стекляныи, и малыи, и великии, провертаны; а другие подлѣ Волховъ беруть, ежа выполоскываетъ вода, отъ нихъ же взяхъ же болѣ ста; суть же различни. Сему же ми ся дивлашю, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югрѹ и за Самоядъ, яко видивши сами на полуночныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млada... и проч. См. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 5.

чаются годы, подъ которыми разсказы довольно подробные, а потомъ, въ видѣ добавленій, идеть краткій перечень нѣсколькихъ событій одного за другимъ, съ прибавленіемъ выраженія „того же лѣта“ или „въ томъ же лѣтѣ“. Нельзя сказать, чтобы эти отрывочные мѣста приводились всегда по ихъ важности; такъ, подъ 1125 г. лѣтописецъ не пишетъ ничего, достойнаго воспоминанія; напр., что въ этомъ году умерла вдова Святополка-Михаила (сына Ярослава Изяславича Туровскаго), которая ровно ни чѣмъ не замѣчательна въ исторіи. Но подобныя событія, не носящія признаковъ политической важности, означены не только годами, а иногда числами. Такія событія обыкновенно: смерть князей, княгинь, духовныхъ сановниковъ. Ясно, что они занесены въ лѣтопись изъ синодиковъ, куда вносились для поминовенія въ монастыряхъ и церквахъ; подъ иными событіями выставлены и самые дни и недѣли, когда они произошли. Такъ напр., о смерти Всеволода Мстиславича говорится, что онъ скончался во Псковѣ въ 1138 г. 11 февраля, въ четвергъ на масланий недѣль. Видно, что съ такою точностью событіе могло быть записано только во Псковѣ; следовательно, или лѣтописецъ получалъ свои извѣстія изъ разныхъ мѣстъ или, можетъ быть, лѣтопись, уже составленная по годамъ, ходила по рукамъ и къ ея извѣстіямъ прибавлялись новые. Также съ мелочкою, хронологическою подробностью записаны естественные явленія, считавшіяся предвозвѣстительными и, вѣроятно, записываемыя при церквахъ священниками, а оттуда внесенные въ лѣтопись. Вообще, однако, подобныя краткія и точныя извѣстія относятся къ Киеву; даже и такія, которые говорятъ о событіяхъ, совершившихся въ другихъ городахъ могли быть записаны въ Киевѣ; напр., о поставленіяхъ владыкъ, которые не могли занять своего епархиального мѣста безъ того, чтобы не принять прежде посвященія въ Киевѣ. Тѣ событія, которые случились въ Киевѣ, носятъ на себѣ характеръ большей подробности.

Подъ 1115 годомъ, разсказывается о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, при чѣмъ лѣтописецъ былъ не только очевид-

цемъ, но и участникомъ. Изъ варианта, известного Татищеву, видно, что этотъ разсказъ принадлежитъ Сильвестру — тому, который составилъ сводъ. Способъ излагать событія краткимъ упоминовеніемъ идетъ до 1135 г.; а съ этого времени разсказъ дѣлается подробнѣе, особенно, когда говорится о междуусобіяхъ Мономаховичей и Ольговичей, при чемъ замѣтно, что рассказчикъ находится на сторонѣ первыхъ: „Ярополкъ съ дружиною.... устремишиася боеви, миаще, яко не стояти Олговичемъ противу *нашей силѣ*“ (1136 г.).

Съ 1138 по 1140 г. снова идутъ короткія, отрывочные извѣстія; съ 1140 по 46 г. лѣтопись была въ другихъ рукахъ; разсказъ дѣлается подробнѣе, но перемѣшиваются съ короткими, отрывочными извѣстіями; при княженіи Всеволода помѣщается исторія полоцкихъ князей и событія съ Мстиславомъ, уже умершимъ. По всему видно, что эта часть лѣтописи есть сборникъ разсказовъ и отрывочныхъ записокъ, значительно пострадавшихъ; подъ 1145 годомъ, говоря о насильственной смерти Петрова мужа лядского князя Владислава, припоминается о томъ, что этотъ Петрокъ взялъ лестью Володаря, мучилъ его и ограбилъ, и при этомъ замѣчается: *о какъ же бѣ въ задниихъ лѣтъхъ писало*, тогда какъ прежде обѣ этомъ не было ничего. Съ 1146 г. лѣтопись принимаетъ характеръ непрерывнаго повѣствованія и ясно составляетъ другое сочиненіе противъ предыдущей части. Это сплошная повѣсть о военныхъ событіяхъ, относящихся къ судьбѣ Игоря Ольговича и къ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею своимъ Юріемъ Суздальскимъ. Только современникъ могъ описывать эпоху съ такими подробностями. Невозможно предполагать, чтобы составитель былъ монахъ; участіе, принимаемое имъ въ военныхъ событіяхъ, знакомить съ военною жизнью, заставляетъ думать, что это былъ кто-нибудь изъ мірянъ; и дѣйствительно, подъ 1151 г., описывая битвы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ, рассказчикъ называетъ сторону, где находится князь Изяславъ, *нашею*; даже онъ былъ участникомъ политическихъ событій, ибо говорить о

князъ: „и рече слово его же и переже слышаомъ“, тогда какъ это слово было сказано княземъ къ войску. О церковныхъ событіяхъ не упоминается, кроме дѣла митрополита Клима, но безъ всякихъ размышлений. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ лѣтописецъ не приводить нравственныхъ сентенцій и мѣсть изъ Священнаго Писанія, какъ это дѣлали духовные; драматическая форма очень развита: князьямъ влагаются въ уста длинныя рѣчи; переходы войскъ, ихъ вооруженіе и количество описаны чрезвычайно подробно.

Характеръ Киевской лѣтописи измѣняется съ 1156 года и она явно переходитъ въ другія руки. Доказательствомъ этого служить во 1) то, что съ 1146 по 1156 г. почти нѣть ничего о другихъ княжествахъ, исключая *тѣхъ* случаевъ, когда въ нихъ происходятъ событія, имѣющія отношеніе къ Киеву; если упоминается напр., о Новгородѣ, то только по отношенію къ Киеву; такъ, говорится, что въ Новгородѣ прибылъ Изяславъ Мстиславичъ; но съ 1156 года допускается подробное изложеніе событій въ другихъ княжествахъ, независимо отъ Киева, напр., упоминается о дѣлахъ въ землѣ Кривской, о войнѣ Рогвольда Минского съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ и о дѣлахъ галицкихъ, о которыхъ у прежнаго лѣтописца говорится только по отношенію къ кіевскимъ событіямъ; теперь же рассказываютъ такія дѣла, какъ ссора Ярослава съ Іоанномъ Берсадникомъ —событіе исключительно мѣстное; подъ 1161 г. — о дѣлахъ Новгородскихъ; подъ 1167 — о дѣлахъ Черниговскихъ; подъ 1168 г. о смерти Ростислава Мстиславича Смоленского съ подробностями, которая могли быть записаны только въ Смоленскѣ; о дѣлахъ церковныхъ также говорится гораздо подробнѣе; во 2) то, что подъ 1156 г. упоминается объ архіепископѣ Нифонѣ, и при этомъ лѣтописецъ говорить о себѣ, какъ о духовномъ лицѣ, ибо прибавляеть, что Нифонтъ ввелъ его въ алтарь, и расточаетъ похвалы Нифонту, тогда какъ прежде говорилось съ участіемъ о врагѣ его Климѣ. Это показываетъ, что здѣсь пишетъ не тотъ, который писалъ прежде;

въ 3-хъ), въ Лаврентьевскомъ списѣ, въ которомъ помѣщено сокращеніе Киевской лѣтописи, изложенной полнѣе въ Ипатіевскомъ списѣ, именно съ 1157 года, начинается разница; видно, что переписчикъ, сокращавшій Киевскую лѣтопись и внесшій еї въ Лаврентьевскій списокъ, имѣть подъ руками и пользовался только тою ея частію, которая доходитъ до 1157 года и не зналъ того, что находится въ Ипатіевскомъ списѣ съ 1157 года; но съ 1172 г. въ Киевской лѣтописи начинаются снова отрывки, которые находятся и въ Лаврентьевскомъ списѣ. Сказаніе о нашествіи Половцевъ и о побѣдѣ надъ ними князя Глѣба — въ Лаврентьевскомъ отнесено къ 1169 г., а въ Ипатіевскомъ къ 1172 г. Это обстоятельство позволяетъ предполагать, что сказаніе было писано другимъ, не тѣмъ, который писалъ о событияхъ, по Ипатіевскому списку, до 1172 года, ибо составителю Лаврентьевской лѣтописи оно было известно, когда прежнее оставалось неизвестнымъ; событіе осады Вышгорода, князьями посланными Андреемъ, противъ Мстислава Ростиславича въ Ипатіевскомъ списѣ описано подробно, въ Лаврентьевскомъ кратко и не видно, чтобы послѣднее было сокращеніемъ первого; за то далѣе, о смерти Святослава Юрьевича, одно и тоже. Изъ этого видно, что составители пользовались отрывками, изъ которыхъ одни были, а другіе не были въ тѣхъ или другихъ рукахъ. Разсказъ о смерти Андрея Боголюбскаго составляетъ эпизодъ въ кievской лѣтописи; онъ не вяжется съ остальнымъ ходомъ, исключительно посвященнымъ кievскому краю и, заключая въ себѣ событія Сузdalской земли, представляетъ обращикъ, какъ впослѣдствіи лѣтописи смѣшивались, изъ однихъ мѣсть заходили въ другія. Разсказчикъ подробнѣ распросстраняется о построеніи храма во Владимирѣ; безъ сомнѣнія этотъ разсказъ писанъ въ Сузdalской землѣ.

Съ 1175 года Киевская лѣтопись опять переходитъ въ другія руки, ибо характеръ ея снова измѣняется. Лѣтописецъ наглядно и почти драматично повѣствуетъ о походѣ на Половцевъ, который прибираетъ изъ Библіи различные названія.

Особенно замечательно здесь поэтическое описание похода Игоря Святославича Сыверского и брата его Всеволода против Полоццевъ (1185 г.). Эта часть писана въ Киевѣ, ибо лѣтописецъ, описывая естественные явленія, бывшія въ галицкой землѣ, прибавляетъ, что въ кievской тогда не видно ничего подобного. Лѣтописецъ любить описывать характеръ князей и народа, вдается въ разныя подробности, рисуетъ даже наружность князей и употребляетъ нравственныя сентенции, чего не было прежде; напр. „умре, отдавъ общий долгъ, его же несть убѣжати всякому роженому“, или: „Богъ возносящіхъ смиряеть“, или: „не любить Богъ высокихъ мыслей“. Полоццевъ называетъ безбожниками, Агарянами, сатанины или нечистыя изчадія и проч. Придерживаясь преимущественно южно-русскихъ событий, лѣтописецъ касается событий и другихъ княжествъ, такъ напр., подъ 1180 г. говорится объ участіи рязанскихъ князей, и лѣтописца особенно занимаетъ описание войнъ Русскихъ съ инородцами и Новгородцевъ съ Чудью. Онъ преимущественно говоритъ о войнахъ Русскихъ съ Полоццами, о которыхъ оставилъ намъ интересныя извѣстія: описываетъ ихъ быть, нравы, наружность и приводить даже имена нѣкоторыхъ ихъ князей. Особенность слога замечательна и въ этой лѣтописи. Такъ, употребляется два раза слово *полка* въ смыслѣ войска, а также встречается выраженіе *русальна недоля*, чего прежде не было. Все это доказываетъ, что съ 1175 г. Киевская лѣтопись составляетъ произведеніе другого лѣтописца.

Въ Ипатіевскомъ списѣ Киевская лѣтопись прерывается подъ 1202 г., построениемъ ограды около монастыря Выдубскаго, при чёмъ лѣтописецъ расточаетъ похвалы Рюрику Мстиславичу — это родъ проповѣди; но не должно думать, что она здѣсь и прекращается: въ Лаврентьевскомъ списѣ мы видимъ ея слѣды, но въ сокращенномъ видѣ, хотя съ этого мѣста начинается собственно Сузdalльская лѣтопись; такъ, помѣщенные въ немъ разсказы: подъ 1204 г. о разореніи Киева Ольговичами и Полоццами, подъ 1224 о походѣ князей противъ Татаръ и битва при Калѣ, принадлежать Киевской лѣтописи.

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Продолжение Ипатіевского списка подъ 1202 г. составляетъ лѣтопись, обыкновенно называемую волынскою, но которую правильнѣе бы назвать галицко-волынскою, ибо она не только составлялась на Волыни, но также и въ Галичѣ, и на первомъ планѣ въ ней стоять дѣла галицкія. Она оканчивается 1305 г. и, слѣдовательно, уже по одному этому не можетъ считаться произведеніемъ одного лица. Начало ея не дошло до насъ; можетъ быть внесенный въ киевскую лѣтопись мѣста, подробно разсказывающія о галицкихъ дѣлахъ, принадлежать ей; и дѣйствительно, есть извѣстія до 1202 г. напоминающія тона и складъ галицко-волынской лѣтописи болѣе, нежели остальныхъ мѣстъ киевской. Подъ 1145 г. упоминается о хитромъ взятіи Володаря Ляхами и при этомъ замѣчается, что въ заднихъ лѣтахъ о томъ писано, тогда какъ объ этомъ подробнаго извѣстія нѣть; а у Длугоша оно ошибкою отнесено къ Ярополку, виѣсто Володаря; но сверхъ того было въ этой, пропавшей для насъ части лѣтописи, и то, что теперь не вошло ни въ какія изъ нашихъ списковъ. У Длугоша встрѣчается нѣсколько извѣстій о галицкихъ событияхъ, о чёмъ скажемъ подробнѣ при разборѣ Длугоша, какъ источника для русской исторіи. Но Длугошъ, сколько видно изъ хода извѣстій о Россіи, черпаетъ ихъ изъ русскихъ лѣтописей; поэтому и то, чего мы не находимъ теперь въ извѣстныхъ намъ спискахъ, почерпнуто вѣроятно изъ нихъ же, и можетъ быть преимущественно изъ галицко-волынской лѣтописи, такъ напр., исторія Романа Мстиславича, его послѣдній походъ въ Польшу и смерть — что также сохранилось у другого Польского историка, Кадлубка.

Галицкая лѣтопись занимается исключительно дѣлами юго-западной Руси, Галича и Волыни; она совершенно отрѣшаются отъ восточной Руси и вводить насъ въ свой особый мѣстный миръ.

Гораздо чаще и подробнее излагаются дѣла венгерскія и польскія: мы видимъ, что Червоная Русь вошла въ то время въ западный міръ и находилась съ этими странами въ постоянныхъ связяхъ.

Лѣтопись писана современниками; подробности въ такомъ видѣ, какъ въ ней изложены, не могли быть записаны иначе, какъ самыми близкими къ нимъ лицами; въ описаніи, напр., князей, упоминается о масти лошадей, на которыхъ они сидѣли верхомъ, очерчиваются иногда наружные примѣты описываемыхъ лицъ, напр., одинъ называется лисицею, по краснотѣ кожи его тѣла. Ни въ какомъ случаѣ нельзя полагать, чтобы составители ея были монахи, напротивъ видны люди мірскіе, участники политическихъ событій: подъ 1226 г. лѣтописецъ упоминаетъ о себѣ и о своемъ участіи въ защитѣ Галича—онъ былъ сторонникомъ князя Мстислава; подъ 1242 г. также слѣды очевидца, по тону разсказа. О церковныхъ дѣлахъ почти нѣть ничего, а все вниманіе обращено на мірскія. Не рѣдко встрѣчаются характеристическая замѣчанія о лицахъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ въ прежнихъ лѣтописяхъ, не безстрастныя, скромныя сентенціи на одинъ складъ, не одностороннія сужденія, но рѣзкіе и сильные отзывы участника событій. Складъ лѣтописи блещетъ поэзіей, но не той поэзіей простоты первобытного разсказа, какъ въ первой повѣsti, служившей основою Сильвестрову своду, а цвѣтистой, удалой, раскидистой поэзіей, напоминающей пѣснь о полку Игоревѣ, напр., „пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко облаку велику играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщимъ и плавающимъ крылома своима и воспрометающимъ на воздухѣ“, или напр., „щитъ ихъ, яко зоря бѣ, шеломъ же ихъ, яко солнцу восходящу“. Замѣчательная особенность слога есть частое, почти безпрестанное употребленіе Дательного самостоятельнаго (*Dativus absolutus*) и это уже показываетъ страсть къ образности и поэтическую натуру писателя. Но тѣль не менѣе, галицкая лѣтопись не отличается ясностью изложения; ея качество, можно сказать, таково, что многія мѣста, взятые отдельными periodами, пред-

ставляютъ изящный образъ; но съ соединенiemъ ихъ мало стройности; по этому въ ея составѣ, несмотря на поэтическій колоритъ разсказа, есть какая-то тяжеловатость.

Лѣтопись прекращается собственно на 1300 годѣ, ибо краткія извѣстія, послѣ приписания, очевидно присоединены впослѣдствіи; во-первыхъ, годомъ заходятъ назадъ, во-вторыхъ являются слова позднѣйшаго склада, какъ напр., *Крижаки Прускіе Кіданскѣ взяли и збурили, изошли; лошата; Люблинъ Яхы отшукали отъ Руси.*

Лѣтопись галицко-волынская была, какъ видно, сначала написана въ видѣ повѣсти безъ годовъ и неискусно разбита на годы уже послѣ. Достойно замѣчанія, что почти нигдѣ нѣть, обыкновенныхъ у прежнихъ лѣтописцевъ, отрывочныхъ замѣчаній: въ тоже лѣто или того же года случилось то-то. Неоднократно случается, что въ годахъ, въ которыхъ лѣтописецъ не могъ помѣстить изъ сплошнаго разсказа ничего, потому что по своей хронологіи не находилъ ничего къ этому удобнаго, вставлено выраженіе: „въ лѣто (такое-то) не быть ничтоже“ и при этомъ видна вставка очень ясно, ибо между предиествовавшимъ этой вставкѣ и послѣдующимъ не прерывается грамматическая связь, напр., „Данилови же, прїехавши въ Володимеръ.“

Въ лѣто 6722 бысть тишина.

Въ лѣто 6723 Божіимъ, повелѣніемъ прислаша князь Литовскіи и проч.

Случается также, что въ такихъ мѣстахъ происходит грамматическая безсвязность, какъ напр.: „и Данилъ воротися въ Володимеръ, отъиде отъ Бѣлза.

Въ лѣто 6730. Не быть ничто же.

Въ лѣто 6731. Данила и Василка Романовичю бѣаху Володимерскими пискунѣ.

Распределитель по числамъ переставлялъ мѣста повѣсти или разсказа, измѣнялъ и вставлялъ свое: напр., вслѣдъ за приведенными словами „Володимерскими пискунѣ“ излагается исторія

Володимерскихъ епископовъ и основаніе епископії въ Холмѣ — тирада, не принадлежащая явно къ рассказу и въ ней говорится: „созда (Даниилъ) градъ, именемъ Холмъ (созданіе же его иногда скажемъ)“. Это подъ 1223 г., а о созданіи Холма говорится подробно подъ 1259 годомъ. Подъ этимъ же годомъ читаемъ: „Якоже древле писахомъ во Куремъсину рать;“ здесь слово *древле* не кстати, ибо эта Куремъсина рать была (по той же лѣтописи) въ томъ же году. Я полагаю, что эти мѣста разставлены изъ рассказа числовоставщикомъ, ибо онъ самъ напоминаетъ на это словами: „хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передияя, овогда же возстутии въ задияя“. Это понимать слѣдуетъ такъ, что тотъ, который составлялъ численную лѣтопись, почелъ нужнымъ переставлять изъ рассказа мѣста. Эти-то переставки причиною, что, начиная о какомънибудь событии, лѣтописецъ вдругъ прерывается его, говорить о другомъ, и потомъ возвращается къ прежнему съ словами: „мы же на прежнее возвратимся.“ Такъ, подъ 1282 г. началъ онъ говорить о приходѣ Татаръ, подъ предводительствомъ Ногая и Телебуга, потомъ, не окончивши, разсказываетъ о войнѣ съ Болеславомъ, сказавши вышеприведенную фразу. Предъ окончаніемъ лѣтописи, мѣсто о послѣднихъ дняхъ Владимира Васильковича, очевидно есть особая повѣсть, вклеенная въ лѣтопись; оно отличается и характеромъ повѣстованиемъ, и предметомъ, и даже языкомъ. Нѣть сомнѣнія, что оно написано современникомъ и при томъ человѣкомъ, близкимъ къ этому князю, жившимъ въ княженіе Мстиславово. Эти мѣста принадлежать къ дѣйствительной волынской лѣтописи, которая здѣсь и прерывается, ибо послѣ того слѣдуютъ подъ 1290 и 1291 годами уже не чисто волынскія дѣла и потому, кажется, занесены въ лѣтопись изъ другого источника, нежели предыдущія события, тѣмъ болѣе, что тогда о Львѣ Даниловичѣ говорится съ большимъ расположениемъ, чѣмъ прежде.

Мнѣ кажется, что всматриваясь въ переходъ тоновъ въ слогѣ лѣтописи и въ характерѣ рассказа, лѣтопись раздвоется

именно 1261 годомъ. Подъ 1260 г. перерывъ: „послаша Льва и Шварня во нь изъ Володимира, река нимъ: аще вы будете у мене замъ ѿздѣтъ въ станы къ нимъ, ажели азъ буду....“ Вслѣдъ за тѣмъ разсказъ уже переходитъ во Владиміръ; въ прежней половинѣ лѣтописи лѣтописецъ разсказываетъ, имѣя какъ будто въ виду на первомъ планѣ личность Данила и Галицкую Русь, а съ этого времени разсказъ вращается около Владимира Волынскаго и князей этого края, Василька и Владимира, его сына. Подъ 1264 г. говорится объ убийствѣ Войшелгомъ Остафья и прибавляется: „о немъ же передъ псахомъ“, а прежде нѣть о немъ ничего; видно, что позднѣйшій лѣтописецъ не все вставилъ, и кое что пропущено изъ тѣхъ матеріаловъ, которые могли служить ему.

Лѣтопись галицко-волынская кромѣ событій, относящихся до югозадней Руси: Галицкой и Волынской земель, составляетъ лучшій источникъ для исторіи Литвы, въ самый первый periodъ ея появленія на политическомъ поприщѣ, ибо описывается наѣгъ Литовцевъ на южную Русь съ начала XIII вѣка, потомъ событія при Миндовгѣ и Войшелгѣ и послѣ того, хотя вообще послѣ Трайдена извѣстія о литовскихъ дѣлахъ становятся отрывистѣ. Кромѣ того, эта лѣтопись знакомитъ насъ отчасти съ Ятвягами и составляетъ почти единственный источникъ о судьбѣ этого народа, вообще ускользнувшей изъ исторіи. О Ятвягахъ упоминается по поводу войнъ съ ними Данила; есть нѣсколько чертъ ихъ быта и даже вѣрованій. Собственно для русской народной жизни эта лѣтопись хотя не представляетъ полнаго источника, но заключаетъ въ себѣ множество удачныхъ и рѣзкихъ чертъ, которыя, будучи сгруппированы между собою, могутъ навести на болѣе или менѣе вѣрныя заключенія; такъ, въ первой половинѣ является характеръ Галичанъ, развитіе высшаго класса, который, впрочемъ, не былъ родовой аристократіей; встречаются черты, поясняющія экономический бытъ страны, боренія партій; въ подробнѣ описаніи послѣднихъ дней Владимира Васильковича сохраняются замѣтныя черты старой жизни.

ГУСТИНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Такъ называемая густинская лѣтопись, служащая въ напечатанномъ ишатіевскомъ спискѣ прибавленіемъ къ нему, есть ничто иное, какъ сокращеніе первоначального свода, но позднѣйшей редакціи ишатіевскаго списка до 1300 года, съ важными дополненіями изъ польскихъ писателей XV и XVI вѣка; отъ 1300 до 1597 года свѣдѣнія, заключающіяся въ ней, во множествѣ почерпнуты изъ польскихъ историковъ Длugoша, Кромера и Вагнини. Лѣтопись эта не изъята отъ ошибокъ и ахронизмовъ и вообще былъ бы полезенъ трудъ ея возстановить по частямъ, отбросить то, что взято изъ источниковъ болѣе ранніхъ: русскихъ лѣтописей и изъ польскихъ писателей, и оставить приведенный въ послѣдовательный порядокъ разсказъ, взятый изъ источниковъ, которыхъ мы не знаемъ; такимъ образомъ явилось бы, что именно взято и что принадлежитъ собственно этой лѣтописи. Мы не можемъ останавливаться на такомъ трудѣ, предоставляемъ его усердію и желанію тѣхъ, которые захотятъ внести въ науку разработку этой вѣтви историческихъ источниковъ.

Въ концѣ этой лѣтописи приложено сказаніе объ Унії, которое можно считать разсказомъ очевидца; хотя онъ и сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, какъ это открывается по сравненію его разсказа съ официальными актами того времени, однако, тѣмъ не менѣе, какъ современникъ заслуживаетъ вниманія и имъ можно пользоваться для исторіи, но не иначе, какъ съ большою критикою. Тоже можно сказать и въ отношеніи начала козаковъ подъ 1516 годомъ.

Въ слогѣ своемъ и тонѣ густинская лѣтопись носить характеръ сокращенія изъ большаго разсказа съ прибавкою того, что зналъ составитель и что, такъ сказать, само просилось къ вставкамъ въ лѣтописное повѣствованіе.

Пользуясь польскими источниками, составитель густинской

лѣтописи включилъ въ нее и тѣ сказанія Длугоша, Кромера и Бѣльскаго, которыхъ не находится въ нашихъ лѣтописяхъ, и изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ кажется, отчасти занесены изъ русскихъ лѣтописей, теперь не существующихъ, или изъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ пропали, а отчасти переиначены и пересоставлены польскими историками. Такимъ образомъ подъ 1137 годомъ встрѣчается исторія Ярополка Владимировича кievскаго, о похищении его Петромъ, о битвѣ подъ Галичемъ, о чёмъ мы скажемъ подробнѣ, разбирая сказанія Длугоша и его компилаторовъ. Всѣ эти польскія сказанія о русскихъ дѣлахъ, густинскій лѣтописецъ взялъ не изъ Длугоша, древнѣйшаго источника всѣхъ такихъ событій, а изъ второстепенныхъ: изъ Кромера, Бѣльскаго и Вогниши.

Густинская лѣтопись, рабски подражая упомянутымъ источникамъ, включаетъ въ себѣ и всѣ нелѣгѣнія извѣстія, напр. о женщинѣ, родившей 52 дѣтей и т. п.

Бѣлорусскія лѣтописи.

Какъ позднѣйшее произведеніе удѣльно-вѣчеваго уклада, является сводъ Литовскихъ лѣтописей, или, правильнѣе, Бѣлорусскихъ, потому что собственно *Литовскихъ* лѣтописей никогда не существовало.

Обыкновенно считаются открытыми двѣ лѣтописи Бѣлорусскихъ; но при тщательномъ разсмотрѣніи оказывается, что здѣсь нужно видѣть сводъ, составленный изъ нѣсколькихъ отрывковъ. Разберемъ все, что до сихъ поръ было издано. Лѣтописи эти были изданы по тремъ редакціямъ: одна изъ нихъ, отысканная и объясненная Даниловичемъ (Жур. М. Н. Просв. XXVIII т.); другая, краткая редакція, изданная въ „Ученыхъ Запискахъ“ II отд. Акад. Наукъ“ Поповымъ съ рукописи, принадлежащей гр. Уварову; третья — полнѣйшая, изданная Нарбутомъ польскими буквами съ русскихъ въ подлинникѣ; рукопись подъ названіемъ: „Pomniki do dziejów Litwy“; г. Бо-

дянскій видѣлъ въ Познанской библіотекѣ лѣтопись, написанную русскими буквами; она, по всему оказывается, полная редакція. Краткая редакція Попова вошла почти цѣликомъ въ полную редакцію и составляетъ ея первый отдѣлъ. Она начинается со смерти Гедимиша (1340 г.) исчислениемъ его сыновей и доходитъ до смерти Сигизмунда Кейстутовича, (1440 г.) согласно съ обширной редакціей Нарбута, но потомъ расходится съ нею и доходитъ до 1446 г. и собственно уже не есть лѣтопись литовская, а смоленская, ибо извѣстія ея относятся не къ Литвѣ, а къ Смоленску; это указываетъ на существованіе, утратившейся для наст., смоленской лѣтописи, часть которой вошла въ Бѣлорусскую. Рассказъ вращается около Смоленска; помѣщаются такія событія, которыхъ могли быть извѣстны только живущему на мѣстѣ въ Смоленскѣ какъ напр., „преставися архимандритъ Анофреи Спасскій сентября 23 и проводивши съ честью“; рассказывается о наводненіи, залившемъ смоленскій посадъ; обозначаются уроцища города Смоленска, говорится о борьбѣ бояръ съ чернымъ народомъ и вообще о событіяхъ, которыхъ могли быть извѣстны въ такой подробности только тамъ находившемуся лицу. Лѣтописецъ обращалъ болѣе вниманія на дѣла Москвы, чѣмъ Литвы, что показываетъ тяготѣніе мысли лѣтописца на Востокъ, а не на Западъ.

Полнѣйшая редакція начинаетъ не съ Гедимиша, а съ баснословной исторіи о пришествіи римской колоніи на берега Балтійскаго моря и ведеть повѣствованіе о судьбахъ языческой Литвы. Со времени смерти Гедимиша она согласуется съ краткою, но кое-что прибавляетъ, и кое-что выпускаетъ; такое повѣствованіе идетъ до смерти Сигизмунда Кейстутовича, гдѣ онъ расходитъся. Послѣ того полная редакція продолжаетъ отдельно существовать чрезъ весь XV вѣкъ, прерываясь на 1507 г. на подробномъ описаніи разбитія Татаръ. Въ краткой редакціи лѣтописецъ говоритъ о себѣ, что онъ былъ еще молодъ во время смерти Скиргайлы, брата Ягайло, слѣдовательно онъ писалъ въ первой половинѣ XV вѣка, (азъ того не вѣрь за

вере бехъ тогды молодъ но нѣмы мовять имъ бы тотъ Фомя
даль кназю Скиргайлу зелне отравное пити). Такъ какъ
смерть Скиргайлы случилась въ 1392 году, то лѣтописецъ,
будучи молодъ въ то время, вѣроятно, писалъ въ первой полу-
винѣ XV вѣка до 1446 г., когда прерывается лѣтопись.

Такимъ образомъ краткая редакція составляетъ средину
полнѣйшей (Нарбутовой), которая, следовательно, состоитъ
изъ трехъ частей: во 1-хъ, изъ лѣтописи о древнѣйшихъ вре-
менахъ Литвы; во 2-хъ, изъ лѣтописи, писанной тѣмъ авторомъ,
который былъ молодъ во время смерти Скиргайлы, или изъ
краткой редакціи Попова, и въ 3-хъ, изъ лѣтописи, состав-
ленной дальнѣйшими ея продолжателями.

Третья редакція — Даниловича. Въ ней есть приписка, гдѣ
говорится: „Исписагъ сій Лѣтописецъ въ лѣто 7028 Луна XVIII
індиктъ IX Окт. VI. На память Святого Апостола Фомы за-
мышеніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго кназя Симеона Ива-
новича Одинцевича, его милости на здоровіе и на щастіе и на
жизнь вечную на отпущеніе грѣховъ. Боже милостивы ихъ ми-
лости, дай его милости Княгинѣ Екатеринѣ ихъ милости Чадомъ.
Руходеліе иного грѣшнаго раба Божіего Грыгорія Ивановича,
Богу въ честь и во славу во вики аминь. Преставшаго помени
Господи Ерея Ивана“. Эта редакція, или лѣтопись Даниловича,
начинается тамъ-же, гдѣ и краткая — Попова, т. е. со смерти
Гедимина, и продолжается до принятия Ягайломъ польской ко-
роны, совершиенно согласно съ лѣтописью Нарбута, — но далѣе
разница. Замѣчательно, что въ лѣтописи Даниловича нѣть
многихъ мѣстъ, относящихся исключительно къ Литвѣ, но
есть событія, относящіяся къ Смоленску и Руси, разсказан-
ныя полнѣ, и есть такія, которыхъ нѣть ни въ какой другой
лѣтописи. Притомъ разсказъ вращается около Смоленска. Мож-
но съ большою вѣроятностію полагать, что эти мѣста состав-
ляютъ отрывки изъ существовавшей прежде смоленской лѣтописи,
которая была подъ рукою у составителя Даниловичевой. По
этому лѣтопись Даниловича склеена изъ двухъ частей: одна ея

часть есть Бѣлорусская лѣтопись, написанная человѣкомъ, который былъ молодъ во время смерти Скиргайло, — а другая лѣтопись смоленская. Языкъ обѣихъ частей различенъ; въ тѣхъ мѣстахъ, которые относятся къ Смоленску, языкъ сохранилъ древнія формы. Какъ только разскажъ доходитъ до воцаренія Сигизмунда, въ лѣтописи помѣщается сказаніе о Витолдѣ, которое есть ничто иное, какъ эпизодический разскажъ, писанный въ качествѣ похвального слова этому князю и его дѣяніямъ; но содержить описание извѣстныхъ приготовленій къ принятію короны, среди которыхъ его постигла смерть. Дальнѣйшія извѣстія съ 1446 года есть, очевидно, также часть смоленской лѣтописи, прерванной разскажомъ о Витолдѣ съ нѣкоторыми дополненіями противъ редакціи Попова. Далѣе лѣтопись удаляется отъ Литвы и обращается болѣе къ Москвѣ. Вообще, не только въ мѣстахъ, относящихся къ Смоленску, въ редакціи Даниловича болѣе старинныхъ формъ, нежели въ редакціи Нарбута, въ которой видѣнъ языкъ XV и XVI вѣка, подчинившійся бѣлорусскому вліянію даже въ мѣстахъ, переведенныхъ, вѣроятно, изъ смоленской лѣтописи.

Изъ этого обозрѣнія видно, что лѣтопись, изданная Нарбутомъ, есть полный сводъ; редакціи же Попова и Даниловича съ нѣкоторыми недостатками. Анализируя сводъ Бѣлорусскихъ лѣтописей по этимъ тремъ редакціямъ, находимъ слѣдующія главныя части:

1) Древняя исторія Литвы, описывающая времена язычества. Извѣстія, сообщаемыя въ этой части, находятся въпольской лѣтописи Стрыйковскаго и вошли въ редакцію Даниловича. Даниловичъ открылъ всѣ источники, которыми пользовался Стрыйковскій и такимъ образомъ снялъ съ него незаслуженное обвиненіе въ умышленномъ искаженіи исторіи и выдумкѣ фактовъ, со стороны Карамзина и нѣкоторыхъ его послѣдователей. Онъ же доказалъ, что Стрыйковскій пользовался хроникой епископа Христіана. Прусскій лѣтописець Семенъ Груновъ (Grusau) говорить о существованіи въ его время латинской хроники Христіана, первого епископа Прусскаго. Объ этомъ же говорить и другой писа-

тель Лука Давидъ, который прибавляетъ, что Христіанъ, по-вѣстуя о событияхъ русской исторіи, пользовался русскими лѣтописями, сообщенными ему настоятелемъ полоцкой каѳедры Ярославомъ. Такъ какъ одни и тѣ же извѣстія по отношенію къ Литвѣ и Польшѣ сохранились у Семена, Стрыйковскаго и у русскихъ писателей, то очевидно, что здѣсь надо искать начала погибшей хроники Ярослава, которая вѣрно была бы полнѣе, чѣмъ лѣтопись Нарбута, такъ какъ у Стрыйковскаго и прусскихъ историковъ есть сказанія, не вошедшия въ хронику редакціи Нарбута.

2) Лѣтопись, писанная тѣмъ, который былъ молодъ во время смерти Скиргайло. Она должна, сколько можно судить, оканчиваться временемъ, когда Сигизмундъ побѣдилъ Свидригайла и сдѣлался великимъ княземъ.

3) Смоленская лѣтопись, существование которой подтверждаютъ многія мѣста изъ лѣтописи Даниловича и Попова, напр., о смерти Симеона, епископа смоленскаго, о голодѣ въ Смоленскѣ, о борьбѣ бояръ съ чернью, о которой упоминается въ краткой редакціи еще подробнѣе, чѣмъ у Даниловича.

4) Остальная часть свода Бѣлорусскихъ лѣтописей есть продолженіе со времени вступленія на престолъ Сигизмунда Кейстутовича, гдѣ говорится о смерти Сигизмунда, убитаго княземъ Чарторижскімъ, до того мѣста, гдѣ разсказъ прерывается при извѣстіи о побѣдѣ надъ Татарами. Редакція Даниловича и Попова обѣ этомъ дѣлѣ упоминаетъ какъ о варварскомъ поступкѣ, съ участіемъ къ королю, а продолжатель Нарбутовой лѣтописи говоритъ, что злодѣянія Сигизмунда навлекли на него достойную смерть.

Стрыйковскій говорить и о другихъ лѣтописяхъ, которыми онъ пользовался и которыхъ не дошли до насть; онъ даже назвалъ ихъ по имени; напр., лѣтопись Заславскихъ князей, которая, какъ доказалъ положительно профессоръ Даниловичъ, есть ни-что иное, какъ лѣтопись редакціи Нарбута. Потомъ Стрыйковскій говорить о другой лѣтописи Ходкевича, получен-

ной имъ отъ старца Ходкевича, и упоминаетъ о третьей лѣтописи какого-то бѣлорусского дьячка, котораго онъ называетъ безмозглымъ,—такъ безсвязно написана его лѣтопись.

Изъ всего видно, что въ Литвѣ образовалась особая русская лѣтописная письменность, въ которую вошла и потерянная лѣтопись города Смоленска.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

НОВГОРОДСКІЯ ЛѢТОПИСІ.

Новгородскія лѣтописи въ нашей лѣтописной литературѣ составляютъ особый отдѣлъ, относящійся къ событиямъ преимущественно Новгорода; впрочемъ, иѣстами включены события и другихъ русскихъ земель, иногда по отношенію къ Новгороду, а иногда и безотносительно. Въ изданіи нашихъ лѣтописей, составленномъ Археографическою Комиссіей, помѣщены четыре новгородскихъ лѣтошиси, называемыхъ первою, второю, третьею и четвертою. Первая, по одному изъ взятыхъ списковъ безъ начала съ 1016 по 1444 годъ; вторая отъ 911 по 1587 г. съ прибавленіями; третья отъ 989 по 1716; четвертая съ 1113 по 1496 г.

Неправильность ихъ изданія достаточно доказана г. Погодинымъ въ V томѣ его изслѣдованій. Между прочимъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ есть тотъ, что издатель для первой лѣтописи выбралъ списокъ не полный и откнувшись изъ лѣтописи начало, находящееся въ Толстовскомъ спискѣ ея, и заключающее въ себѣ нѣсколько отличій отъ внесенныхъ имъ при изданіи другихъ лѣтописей.

Обыкновенно думаютъ, что начало первой новгородской лѣтописи есть сокращеніе лѣтописи, которая составлялась въ Киевѣ и съ прибавкою событий, относящихся къ Новгороду. Извѣстія въ первой новгородской лѣтописи до того кратки, что

похожи болѣе на оглавленіе, чѣмъ на сказаніе; во многихъ мѣстахъ предъ однимъ событіемъ стоитъ нѣсколько годовъ, такъ, въ лѣто 6537, въ лѣто 6538, — далѣе исчисляются годы одинъ за другимъ до 6545 и послѣ всего сказано: „заложи Ярославъ городъ Кыевъ и церковь святая Софія“; также передъ извѣстіемъ о смерти полоцкаго князя Всеслава поставлено сряду четыре года. Эта краткость и пустые года заставляютъ думать, что лѣтописецъ былъ не современникъ, и не списывалъ даже современныхъ повѣстей, не дѣлалъ также своихъ замѣтокъ и по памяти, а составлять свою лѣтопись по скучнымъ, разрозненнымъ свѣдѣніямъ, въ отрывкахъ, и во многихъ мѣстахъ не зналъ, чѣмъ наполнить, разставленные напередъ, годы. Очень любопытно объяснить, какъ именно составилась эта лѣтопись? Предположеніе г. Сухомлинова о наскальныхъ таблицахъ здѣсь ближе всего къ истинѣ. Включение по мѣстамъ болѣе подробнѣхъ событій, относящихся къ Новгороду, заставляетъ думать, что составитель жилъ въ этомъ городѣ; упоминованіе о событіяхъ послѣ нѣсколькихъ годовъ указываетъ, сверхъ того, что составитель имѣлъ свѣдѣнія безъ годовъ и по своему разсчету ставилъ ихъ приблизительно; такія событія, какъ напр., представленія князей и проч., обозначены не только годами, но даже днями; освященіе церкви, приходъ владыкъ взяты, вѣроятно, изъ какихъ нибудь церковныхъ и монастырскихъ записокъ: о нѣкоторыхъ лѣтописецъ нашелъ точныя указанія, и потому поставилъ числа; о другихъ событіяхъ не нашелъ ни дней, ни годовъ, а потому поставилъ при нихъ приблизительно нѣсколько годовъ; такъ, предъ постановленіемъ Феодора, архіепископа новгородскаго, поставлено три года. Точныя свѣдѣнія по числамъ о представлениіи нѣкоторыхъ лицъ лѣтописецъ могъ также заимствовать изъ синодиковъ, или поминальныхъ записокъ. Не только умершіе въ Новгородѣ были записываемы въ новгородскихъ синодикахъ, но могли быть случаи, когда въ новгородскіе монастыри присылались записи для поминовенія изъ другихъ мѣстъ. По старинному понятію поминовеніе для души считались дѣй-

ствительнѣе, когда совершалось въ разныхъ мѣстахъ: чѣмъ болѣе будетъ роздано за упокой души, чѣмъ больше усопшаго будутъ поминать, тѣмъ для него лучше на томъ свѣтѣ.

Извѣстія о новорожденныхъ князьяхъ также могли быть присылаемы въ монастырь для молитвы объ ихъ здравіи, и оттуда почерпнуты лѣтописцемъ. Самая извѣстія о военныхъ дѣлахъ проходили чрезъ тотъ же источникъ; въ лѣтописи такого рода входили наиболѣе тѣ извѣстія, которые относятся къ смерти кого нибудь, напр. побѣда Половцевъ надъ Всеволодомъ въ 1078 г., убіеніе Глѣба (за Волокомъ) въ 1079 г., побѣда Мордовы надъ Ярославомъ—все это несчастныя событія.

Когда въ сраженіяхъ гибли люди, о нихъ присылались братіи поминальныя записки, — что иногда принимали на себя князья. Счастливыя событія, какъ напр., побѣда Мстислава надъ Олегомъ, побѣда кіевскихъ князей надъ Половцами (1103 и 1111 г.), могли быть сообщаемы въ монастырь, какъ для поминовенія убиенныхъ, такъ равно и для возсыланія благодаренія Богу за одолѣніе враговъ; при этомъ въ поминальныхъ запискахъ обозначалось, въ какомъ именіи сраженіи убиты были поименованные, и о какой побѣдѣ слѣдовало молиться; изъ этихъ то записокъ лѣтописецъ бралъ и вставлялъ свои извѣстія; другимъ путемъ едва ли можно объяснить такую краткость событій и виѣстѣ, не рѣдко, такую точность по годамъ и днамъ. Занятіе Новгорода Всеславомъ и битва съ нимъ Глѣба могли быть заимствованы тоже изъ поминальныхъ записокъ, ибо тогда были убиваемы люди; а прибавленія „велика же бѣ бѣда въ чась той“ и т. п. могли или находиться въ видѣ приписки, сдѣланной современникомъ на самомъ синодикѣ, или же, по старой памяти и преданію, сдѣланы самимъ лѣтописцемъ (*); подобное восклицаніе является подъ 1129 г. по поводу затмѣнія;

(*) Событие это должно было остаться памятнымъ для Новгорода уже и потому, что на мѣстѣ, где оно происходило, сооруженъ былъ монастырь.

быть можетъ лѣтописецъ, нашедши такую фразу въ синодикѣ по поводу битвы Всеслава, употребилъ изъ подражанія подъ другимъ, болѣе близкимъ къ нему событиемъ.

Впрочемъ, внесенная въ лѣтопись военные события, могла быть записываемы и по другому поводу, какъ напр.: о походѣ Ярослава на Ятвяговъ и о бракѣ его съ дочерью новгородскаго князя по возвращеніи изъ этого похода. Здѣсь могло быть въ церкви записано о бракѣ князя съ цѣллю молиться впослѣдствіи о счастіи новобрачныхъ; о походѣ же на Ятвяговъ упомянуто при случаѣ, и года надѣ нимъ не поставлено, а означено приблизительно двумя годами 1112 и 1113.

Съ 1117 г. лѣтопись начинаетъ, такъ сказать, полнѣть, особенно въ перечнѣ событий, собственно относящихся къ Новгороду; видимое обиліе фактовъ указываетъ на близость самого лѣтописца къ описываемому времени. Пустыхъ годовъ нѣтъ болѣе; только смерть жены Мстислава записана безъ году. Однако извѣстія еще не принимаютъ повѣстовательной формы. Подъ 1125 и 1128 годами о голодѣ, по поводу неурожая, болѣе подробный разсказъ, но онъ также могъ находиться въ синодикахъ для поминовенія умершихъ въ это время. Монахи на память записали подробности этого события, чтобы отличить поминаемыхъ отъ другихъ.

Подъ 1132 годомъ является уже повѣстование иного покрова: о походѣ Всеволода въ Русь къ Переяславлю, и о смиреніяхъ въ Новгородѣ по возвращеніи князя. Послѣ этого уже послѣдовательно записываются разныя политическія новгородскія события; но въ то же время продолжаются и прежнаго рода замѣтки, какъ напр., постройка церквей, представление князей, вѣнчаніе, назначеніе новыхъ церковныхъ сановниковъ, — однимъ словомъ все, что могло быть извлечено изъ церковныхъ записокъ и синодиковъ. Кроме синодиковъ въ монастыряхъ и соборахъ была необходимость записывать и церковныя дѣянія, постройки церквей — для поминовенія тѣхъ, которые жертвовали, а также для празднествъ храмовъ; факты церковнаго упра-

вленія, какъ приходъ того, или другого савовника отчасти тоже для поминовенія, а отчасти для справокъ съ стариною.

Повѣстование о политическихъ новгородскихъ событіяхъ съ 1137 г. дѣлается еще пространнѣе, именно послѣ изгнанія Всеволода. Тутъ уже излагаются обстоятельно причины, по которымъ его прогнали, написанный въ видѣ пунктовъ; вѣроятно они были предложены Новгородцами на вѣчѣ и составляли приговоръ изгнанному князю. Такъ какъ это событіе означено точно по днамъ, то вѣроятно оно записано современникомъ. Принимая во вниманіе послѣднее обстоятельство, и, преимущественно, распространенную форму изложенія, кажется достовѣрнымъ, что именно съ этого времени начинается собственно новгородская лѣтопись. Тутъ лѣтописецъ начинаетъ непрерывную исторію, а все, что внесено въ лѣтопись прежде этого событія, взято или изъ церковныхъ замѣтокъ, или изъ особыхъ записокъ, писанныхъ не для того, чтобы придать памяти прошлыхъ событій, а для особыхъ цѣлей. Самъ лѣтописецъ мало распространялъ свой краткій первоначальный перечень тѣмъ, что можетъ быть самъ слышалъ отъ стариковъ.

Подъ 1144 г. лѣтописецъ упоминаетъ о себѣ, говоря, что въ этомъ году св. Ниѳонть поставилъ его попомъ. И такъ лѣтописецъ, писавшій эту часть лѣтописи, бытъ священникъ. Г. Прозоровскій, соображая, что подъ 1188 г. съ подробностями и участіемъ говорится о кончинѣ какого-то попа при церкви св. Іакова, по имени Германа Вояты, который священствовалъ полпятдесятъ лѣтъ, приходить къ заключенію, что этотъ постъ Германъ бытъ лице, говорящее о себѣ подъ 1144 г., и что преемникъ его въ дѣлѣ лѣтописанія счелъ приличнымъ распространяться о своемъ предшественнику (*). Г. Погодинъ признаетъ, что дѣйствительно священникъ, упоминающій о своемъ посвященіи подъ 1144 г. есть одно и тоже лицо съ тѣмъ, о которомъ говорится подъ 1188 г.,

(*) См. статью г. Д. Прозоровскаго: „Кто бытъ первый писатель Новгородской Лѣтописи?“ въ Журн. Мин. Нар. Проса. Ч. XXXV.

но думаетъ, что этотъ священникъ, Германъ Воята, былъ не сочинитель, а переписчикъ лѣтописи, на томъ основаніи, что подъ 1144 г. онъ назвалъ Нифонта святымъ, какимъ Нифонтъ могъ быть названъ только по кончинѣ своей, и что при томъ невозможно, чтобы лѣтопись велась при церкви св. Іакова, гдѣ Германъ былъ попомъ, а не при Софійскомъ соборѣ. Но Нифонтъ умеръ въ 1156 г., и священникъ, писавшій свой разсказъ, могъ прибавить посвященіе свое въ іерей уже по кончинѣ іерарха, и если Германъ Воята, какъ допускаетъ г. Погодинъ, могъ быть переписчикомъ, то также могъ быть и сочинителемъ лѣтописи.

Далѣе въ складѣ лѣтописи и выборѣ событій господствуетъ тѣтъ же характеръ. Лѣтописецъ наполняетъ свою лѣтопись извѣстіями о постановленіи духовныхъ сановниковъ, о представлѣніи важныхъ лицъ, о построеніи церквей, вообще обращаетъ вниманіе на церковныя дѣла и тѣмъ обличаетъ свое духовное званіе. Изъ политическихъ событій онъ упоминаетъ только о такихъ, которые ярко выдѣляются изъ среды обыкновенныхъ, какъ то: призваніе и изгнаніе князей, смуты въ Новгородѣ, да кромѣ того говорить о разныхъ бѣдствіяхъ, морахъ, пожарахъ, войнахъ съ иноплеменниками. Изложеніе вообще скучно, только въ перечѣ нарочныхъ бѣдствій онъ позволяетъ себѣ входить въ значительныя подробности и описывать такие случаи болѣе краскими красками. Въ 1161 году, по поводу описанія неурожая, привѣлено восклицаніе: „о велика скърбь баше въ людыхъ и иужа!“ — восклицаніе подобное тому, которое встрѣчается въ древнихъ годахъ о разбитіи Всеслава; это подтверждаетъ, что прежнія событія заносились въ лѣтопись тѣмъ же лѣтописцемъ, который писалъ о событіяхъ половины XII вѣка.

Однаковый тонъ въ лѣтописи идетъ вмѣтъ до 1202 г. и потому трудно уловить, когда оканчивается лѣтописаніе священника, поставленного въ 1144 году, и по всему, какъ кажется, начавшаго писать еще въ 1137 г., потому что тонъ лѣтописи неизмѣнно идетъ съ 1202 года, такъ что преемникъ Германа

Всюжно подражать предшественнику. До 1209 года характеръ разсказа все еще обивается на старый ладъ; съ 1209 г. политическія события разсказываются подробнѣе, приводятся рѣчи князей,—чего нѣтъ въ описаніи предыдущихъ временъ,—и вообще видно существование лѣтописца къ предмету разсказа. Походъ Мстислава Удалого на Сузdalльщь описанъ оживленно и съ большими подробностями, такъ что можно предположить, что это отдельный эпизодъ, внесенный въ лѣтопись, тѣмъ болѣе, что онъ находится и въ Воскресенскомъ спискѣ, — но скорѣе можно думать, что въ послѣдній онъ занесенъ изъ новгородского списка, такъ какъ разсказанъ короче. Встрѣчаются благочестивыя размышленія. Однако лѣтописецъ все еще придерживается системы своего предшественника: онъ упоминаетъ о построекъ церквей, о смерти важныхъ лицъ, о народныхъ бѣдствіяхъ и пром., но въ этотъ періодъ новгородскаго лѣтописанія являются, внесенные въ него, и события другихъ княжествъ, какъ напр., злодѣяніе разанскаго князя Глѣба Святославича надъ братьями (1218 г.), о галицкихъ дѣлахъ подъ 1219 г., о нашествіи Татаръ и т. д.

Въ это время беспристрастный, сухой и холодный тонъ лѣтописи измѣняется; мало по малу допускаются въ лѣтопись и благочестивыя размышленія,—и это идетъ crescendo; въ первый разъ находимъ разсужденія по поводу сооры Святослава Всеволодовича съ Твердиславомъ: сказавъ о ихъ примиреніи, лѣтописецъ замѣчаетъ, что престъ былъ возвеличенъ, а дѣволь покоренъ. Потомъ онъ вдается въ разсужденія по поводу преступленія Глѣба Рязанскаго, — что, быть можетъ, внесено въ первую новгородскую лѣтопись изъ какой инбудь другой, виѣтъ съ самимъ рассказомъ о Глѣбѣ, также какъ и разсказать о нашемъ Татарѣ, где тоже видно резонерство. По поводу изгнанія архіепископа Арсения, лѣтописецъ вдается въ разсужденія и выказываетъ ясно, что онъ не беспристрастенъ. Въ 1230 г. по поводу голода, явленія частаго въ новгородскомъ краѣ, упоминается сг҃ѣвъ Божіемъ и отрѣахъ людскихъ, тогда какъ преж-

ніє літописцы ограничиваються тільки описанієм факта. Саме бѣдствіе это описывается на этот разъ такимъ краскави, ко-торыя, очевидно, приданы предмету для того, чтобы возбудить жалость и ужасъ, тогда какъ при прежніхъ описаніяхъ не видно такого изложенія. Подъ 1232 г. разказывается о смерти архиепископа Антонія; ему расточаются такія похвали, которые заставляютъ предполагать, что писавшій эти строки бытъ уже не тотъ, кто писалъ о событияхъ подъ 1228 г., где говорится объ изгнаніи Арсенія и о призваніи этого самого Антонія: подъ 1228 г. літопись оказываетъ сочувствіе къ Арсенію; сказавши о постановленіи на его мѣсто Антонія, авторъ прибавляетъ: „не дѣбыти-бы зла“; следовательно, постановленіе Антонія представлено какъ бы неодобрительнымъ. Въ 1238 г. татарское на-шествіе описано короче, чѣмъ въ другихъ літописяхъ, напр. въ Воскресенской, и съ прибавкою благочестивыхъ размышеній. Такія же сентенціи и размышенія встречаются по поводу исто-чевія икона изъ якона (1243 г.) или по поводу бѣдствія отъ наводненія (1251 г.). Также приводится послезіца: *аще бы кто добро другу чинил, то добро бы было, а кому яму, самъ ее зло взвалишь.* По поводу нашествія на Новгородъ Татарь, літописецъ становится на сторону тѣхъ, которые не хотѣли платить даніи и въ этомъ случаѣ отклоняется отъ обычного своего консервативнаго духа.

Подъ 1265 годомъ літописецъ касается дѣлъ литерскихъ, которыхъ впрочемъ хорошо не знаетъ: онъ расточаетъ похвали Войшелгу, воображая его апостоломъ христіанской вѣры и радуясь погибели тѣхъ, которыхъ Войшелгъ извелъ за смерть отца своего Мищовга. Въ 1268 году Раковорская битва дала літописцу предлогъ распространиться въ благочестивыхъ размышеніяхъ и привести слова Священнаго Писанія въ подтвержденіе иныхъ; что несчастія посыпаются людамъ отъ Бога за ихъ грѣхи. Замѣчательно, что почти вездѣ, если описание битвы сколько нибудь подробнѣ, исчисляется иѣсколько собственныхъ именъ что, кажется, объясняется тѣмъ, что эти имена замыкались

въ синодики таи же, гдѣ велась эта лѣтопись или въ такихъ лѣстахъ, гдѣ ихъ лѣтописецъ могъ видѣть.

Относительно политическихъ убѣждений повѣствователя въ лѣтописи виденъ консервативный, монархический духъ; замѣтно уваженіе къ княжеской власти; впрочемъ, какъ Новгородцы, лѣтописцы любить свое отчество и сочувствовать особенно войнамъ съ шведскими.

Съ 1271 г. тонъ лѣтописи значительно измѣняется; ясно, что здѣсь начинаетъ писать не тотъ, который писалъ до этого года; начинается складъ близкій къ тому, который былъ прежде, до описанія ессоры съ Твердиславомъ. Опять видимъ краткость извѣстій и достаточное безпристрастіе. Только подъ 1289 г., по поводу пожара, лѣтописецъ позволяетъ себѣ небольшое размыщеніе въ формѣ молитвы. Такой тонъ лѣтописи продолжается до 1299 г.; съ этого же года опять являются признаки сочувствія къ описываемымъ дѣламъ. Вообще характеръ лѣтописи съ этихъ поръ состоить въ перечнѣ событий, однихъ подробнѣе другихъ короче. Въ этотъ періодъ встрѣчаются хотя короткія, но любопытныя и важныя по содержанію отношенія Новгорода къ Швеціи. Съ 1340 г. события опять описываются подробнѣе и самыхъ извѣстій приводится больше. При описаніи битвъ, какъ и прежде, пересчитываются собственные имена, что, какъ выше замѣчено, взято изъ синодиковъ. Въ такомъ видѣ идетъ лѣтопись до 1397 г.; съ этого же времени тонъ лѣтописи перемѣняется и принимаетъ характеръ, отличный отъ всѣхъ предыдущихъ, характеръ непрерывнаго повѣствованія; потомъ опять видимъ сборь отрывочныхъ извѣстій, то краткихъ, то подробнѣхъ. Съ 1422 г. лѣтопись становится еще отрывочнѣе, и сказанія излагаются скатѣе, такъ что количество отрывочныхъ свѣденій въ однихъ годахъ больше, въ другихъ менѣе.

Вторая новгородская лѣтопись не представляетъ важныхъ вариантовъ отъ первой страницы до самого 1421 г., гдѣ находится подробный разсказъ о землетрясеніи и наводненіи, при чёмъ присовокуплено благоговѣйное размышленіе. Это

и́сто особенно драгоцѣнно потому, что тамъ говорится о существованіи въ Новгородѣ старыхъ лѣтописей: „слышахомъ оть древнихъ повѣдающе писаніе, паче же извѣстно увѣдомъ прочитающе старые лѣтописцы, о нашествіи водномъ, еже бысть въ Великомъ Новѣградѣ въ древняя лѣта“ и проч. „Нынѣ же, убо, быша прежереченнаго нашима очина видѣхомъ великое нашествіе водное, и еже оть небесе страшное явленіе, индиктіона 14 при архіепископѣ Семіонѣ, въ лѣть 6-е владычества его“. Извѣстіе это подтверждается для насъ существованіемъ древнихъ лѣтописцевъ новгородскихъ и вѣрно въ старину ихъ было много, когда говорится о нихъ во множественномъ числѣ. Едва-ли бы въ этомъ случаѣ разумѣлись списки однихъ и тѣхъ же: „и елико такова все то писаніемъ число обрѣтохомъ; и иная знаменіа нѣкака бывающая, елико къ наказанію нашему видѣхомъ въ писаніи и сказаніемъ иудрѣйшихъ мужъ, любищихъ почитати древняя писанія, слышахомъ оть нихъ; якоже Соломонъ глаголаше: се же есть иудръ, еже вѣсть древняя повѣсти“. Слова эти указываютъ не только на укоренившіяся въ Новгородѣ обычай писать лѣтописи и вносить туда события, считаемыя достойными замѣчанія; видѣнъ и вкусъ къ чтенію такихъ сочиненій, и сознаніе добра, проистекающаго оть такого чтенія. Отъ 1421 до 1470 г. замѣтки чрезвычайно кратки и, можетъ быть, внесены въ послѣдствіи для связи. Подъ 1470 г. описано посѣщеніе Новгорода Иваномъ Васильевичемъ, и здѣсь же исчислены подарки, которые онъ получилъ во время своего посѣщенія. Подъ 1485 г. описано преслѣдованіе новгородскихъ еретиковъ Геннадіемъ.

По паденіи Новгорода лѣтопись дѣлается исключительно иѣстною и знакомитъ читателя по большей части только съ обстоятельствами, относящимися единственно до города; видно, что писали духовныя лица. Подъ 1493 г. все сказаніе состоить единственно изъ разсказа о крестномъ ходѣ, отправленномъ архіепископомъ Геннадіемъ; это описание можетъ служить образчикомъ тѣхъ записокъ, которыхъ велись при церквяхъ, соборахъ и монастыряхъ и большую частью до насъ не дошли.

Съ большими подробностями описываются пожары, которые въ Новгородѣ бывали очень часто, моровая повѣтря, изгнанія индій и небесные феномены.

Около 1553 г. лѣтопись видимо переходитъ въ другія руки, а съ 1563 года дѣлается короче, чѣмъ прежде, и ограничивается исключительно предметами церковнаго содержанія. Подъ 1570 г. подробныиъ образъ исчезаетъ продовольствіе, собранное на цара и его свиту, по случаю ужаснаго прїѣзда Ивана Васильевича; вероятно эта роспись попалась сюда случайно и была припасана по кстати. Подъ 1572 г. любопытное извѣстіе о томъ, что владыка смотрѣлъ лѣтопись въ монастырѣ, на Лисьей горѣ — извѣстіе, доказывающее, что въ разныхъ монастыряхъ велись лѣтописи и записывались въ нихъ не только дѣянія монастырскія, но и другія церковныя, ибо владыка замѣтилъ, что въ эту лѣтопись не вписаны всѣ владыки новгородскіе; между тѣмъ, казалось бы, не было собственно необходимости писать о владыкахъ въ лѣтописи монастыря и гораздо было бы уместнѣе писать объ этомъ въ лѣтописи соборной кафедральной.

При второй новгородской лѣтописи, въ полномъ собраніи лѣтописей, приложенъ перечень владыкъ новгородскихъ, — материалъ важный для церковной исторіи. Собственно этотъ отрывокъ не принадлежитъ ни къ какой лѣтописи, а составляетъ самобытную лѣтопись Софійского собора. Онъ можетъ служить образчикомъ тѣхъ записей, которыи, вероятно, велись повсемѣстно; о первыхъ епископахъ извѣстія очень кратки, потомъ о дальнѣйшихъ извѣстіяхъ распространяются все болѣе и болѣе, такъ что о ранніхъ не говорится ничего болѣе, кроме того, что такой-то тогда-то былъ поставленъ, столько-то лѣть быть на епископии и тогда-то умеръ. О смерти иныхъ означены дни, о другихъ нѣтъ этого, изъ чего, кажется, можно заключить, что эти древнѣйшія извѣстія почерпнуты въ послѣдствіи изъ синодиковъ, гдѣ случившееся записывалось какъ попало, не обращая вниманія, какъ были записаны прежнія; ибо если бы существовалъ морадокъ въ запискахъ объ епископахъ, то вѣ-

роятно послѣдующіе записыватели, имена передъ собою образецъ предыдущихъ, записывали бы сообразно съ обычаемъ, принятымъ послѣдними. Со времени переименованія епископовъ новгородскихъ въ архіепископы видно, что уже велись послѣдовательные записи объ нихъ; почти всегда съ точностью означается день смерти и мѣсто погребенія, и съ 1230 года говорится постоянно, кто кѣмъ былъ поставленъ въ сань. Съ 1353 года встрѣчается не рѣдко означеніе событий, ознаменовавшихъ владичество того или другаго іерарха; особенно распространяется роспись объ архіепископѣ Моисѣе и расточаетъ ему лхвалы. При Иванѣ Хутынскомъ, подъ 1410 г., упоминается о важномъ событии, которое не относящемся къ церковнымъ дѣламъ, именно объ измѣненіи монеты въ Новгородѣ: „Новгородцы начали торговати бѣлками, лобци, и гривни Литовскими, и артуги Нѣмецкими“ и проч. Послѣ покоренія Новгорода эти списки дѣлаются подробнѣе, но ограничиваются одними церковными дѣлами.

Третья новгородская лѣтопись, начинаящаяся въ 911 г., есть дополненіе первоначального свода, въ сокращенномъ видѣ сообщающая извѣстія, записанныя въ послѣднемъ. Она сообщаетъ не только такія извѣстія, которыя касаются одного Новгорода, но и обстоятельства крещенія, посвященіе Иоанна, подробности о Варягахъ, именно, что тамъ, где они стояли при Ярославѣ названа улица. Не видно однако, чтобы составитель пользовался при этомъ прежнимъ сводомъ. Съ 1030 года говорится недробно о заложеніи церкви св. Софіи въ Новгородѣ и объ иконѣ, будто бы написанной Эмануиломъ, греческимъ царемъ. Съ этихъ поръ лѣтопись ограничивается однимъ Новгородомъ и сохраняетъ свой особенный характеръ.

Эта драгоценная лѣтопись дошла до насъ уже въ позднійшихъ спискахъ; нѣть ни одного раннѣ XVII вѣка, и въ томъ видѣ, въ какомъ она находится теперь, она очевидно составлена уже позже, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ея сущность и даже самыи текстъ приспособились позднѣйшимъ. Ея основа — история новгородскихъ церквей или, вѣрѣю сна-

зать, записки о построении церквей, веденные, какъ показываетъ этотъ драгоценный памятникъ, для всего Новгорода и отчасти для другихъ городовъ новгородской волости. Въ послѣдствіи какой-то составитель, а можетъ быть и нѣсколько составителей, включали туда въ разныя времена по произволу сказанный изъ первой новгородской лѣтописи, изъ росписи о новогородцахъ владыкахъ и другихъ новгородскихъ историческихъ записокъ и такимъ образомъ распространили эту лѣтопись. Въ епіскѣ, съ котораго она бывла напечатана, находится съдѣдующее заглавіе: „Книга, глаголемая Лѣтописецъ Новгородской вкратцѣ, церкви божіи, въ которое лѣто и отчайна построена, и при которомъ епіскопъ или архиепіскопъ или митрополитъ, и въ которомъ годъ который епіскопъ или архиепіскопъ или Митрополитъ поставлены быша, и прилучан въ которомъ годъ какие были въ Великомъ Новгородѣ и въ пригородіяхъ: и то въ семь Лѣтописцѣ чый и обрящеш“. Кажется что древніе заглавіе было только до слова „митрополитъ“, а вѣтальнное прибавлено послѣ. Доказательствомъ этого служитъ то, что если сравнить третью лѣтопись съ предыдущими двуми, то окажется, что все политическія события заимствованы изъ послѣдній въ тѣхъ эпохахъ, которые послѣдними описываются, а относительно построеній церквей есть съдѣдня самобытныя, именно, упоминается о построеніи нѣкоторыхъ церквей, о которыхъ въ другихъ лѣтописяхъ не говорится, а о построеніи такихъ, о которыхъ извѣстія вовсе и въ другіи лѣтописи, сообщаются самобытныя данными. О постановленіи владыкъ въ этой лѣтописи нѣть ничего нового противъ другихъ источниковъ. Кроме построенія церквей существенною частью должны считаться также извѣстія о написаніи иконъ и измѣненія въ храмовомъ благочиніи. Самая важнейшая часть этой лѣтописи—вставка, заключающая въ себѣ описание прихода въ Новгородъ Ивана Васильевича и страшнаго побоища, произведенаго имъ тамъ въ 1576 году.

Четвертая новгородская лѣтопись есть ничто иное, какъ

позднейший уже сводъ прежнихъ лѣтописей. Извѣстія въ ней, но большей части, взяты изъ первой и второй лѣтописи, но сверхъ того прибавлены событія Суздальской, Тверской и Димитровской земель. Составитель ея не имѣлъ, во видимому, никакой опредѣленной цѣли, записывая событія и не слѣдилъ преимущественно ни за какою нитью; очень часто одно и тоже событіе повторяется пѣсколько разъ, некоторые годы совершенно выпущены. Разъ составленная, эта лѣтопись переходила, должно быть, изъ рукъ въ руки, что замѣтно по различнымъ спискамъ; такъ, до 1325 года всѣ варианты сходятся между собою, а съ этого года замѣтны двѣ различные вѣтви списка, которыхъ тянутся до 1406 г. вмѣстѣ; одинъ списокъ болѣе занимаетъ дѣланіи, непосредственно касающимися Новгорода, другой же болѣе представляетъ характеръ общаго русскаго хронографа. Съ 1406 года списки опять сходятся и идуть вмѣстѣ до 1447 г., где одинъ оканчивается, а другой продолжается до 1515 г. Все оставленное отъ 1447 по 1515 г. не находящееся въ одномъ изъ списковъ, очевидно есть приставка и отличается отъ предыдущихъ по складу и по тому; она состоитъ изъ чрезвычайно краткихъ замѣчаній. Главный характеръ лѣтописи — отсутствіе связи между событіями и запутанность хронологіи. Извѣстія большую частью кратки, но есть и пространныя, смотря по тому, откуда случилось лѣтописцу ихъ почерпнуть. Сюда цѣликомъ занесены особы статьи, составлявшія отдѣльные разсказы или акты, напр., извѣстіе о морѣ во Псковѣ въ 1352 году, выписанное цѣликомъ изъ первой псковской лѣтописи, напечатаніе Дмитрія Московскаго на Тверь въ 1375 г. изъ Софійскаго Временника, подробная повѣсть о побоищѣ съ Мамаемъ въ 1380 г. также сводная съ другихъ лѣтописныхъ сказаний объ этомъ событіи; о плененіи и прохожденіи Токтамыша царя и о Московскому Фотіи; слово о томъ, какъ бился Витовтъ съ Ордою съ царемъ Темиркутлугемъ въ 1399 году; посольство Едигея къ великому князю Василию, когда не встрѣчаемое при этой лѣтописи; 1408 г. о Тферскомъ владыцѣ; посланіе митро-

полита Феодора въ Киевъ; слово о житії Дмитра Донецкаго и о преставлениі Михаила Александровича Тверскаго, записанное изъ тѣхъ называемой тверской лѣтописи.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Псковскихъ лѣтописей издано двѣ: первая начинается древнейшими временами, 859 годомъ и продолжается по одному списку до 1609 года, по другому до 1650. Исчисление событий сначала, относящихся до X, XI, и XII вѣка, есть нечто иное, какъ перечень извѣстий, подробно записанныхъ въ первоначальной Синевострововомъ сводѣ и первой новгородской лѣтописи. До 1236 года въ лѣтописи есть ничего, что бы заявило самобытное, не относящееся къ другому ираю, достояніе псковской истории, кроме смерти Всеволода Мстиславича. Позднѣе 1236 годомъ первое самобытное извѣстіе, не записанное, сколько мнѣ известно, въ новгородскихъ лѣтописахъ, именно о разбитіи Нѣмцѣвъ у Изборска; но очень можетъ быть, что и оно выписано, либо послѣдующія извѣстія въ 1239 — 1240 г. заимствованы изъ новгородской лѣтописи. Подробнѣе разсказать о прибытии въ Псковъ Александра, въ главныхъ выраженіяхъ также сходный съ новгородскимъ. Такимъ образомъ отрывочные рассказы, бывь признакомъ самобытнаго сочиненія, идутъ до смерти Александра Ярославича въ 1264 году. Вся эта часть лѣтописи приставлена уже послѣ и событий изъ другихъ лѣтописей обозначеныхъ здѣсь не для сообщенія ихъ, а для означенія только годовъ, чтобы годовому теченію дать отличительные признаки; некоторые же изъ этихъ извѣстий могли быть распространены даже и позже, при чтеніи другихъ (новгородскихъ) лѣтописей. Собственно лѣтопись начинается съ Денисомъ, а можетъ быть даже и позже. Нельзя заключить, чтобы до того времени у Псковитянъ не существовало лѣтописи, напрежнѣе болѣе вѣроятно, что она была изстари; но видно, что составитель не имѣлъ въ рукахъ ничего прежде

Довмента, многое изъ этого идти безъ тодоръ и потому, для позѣрки, сдѣлать сѧть событій по годамъ. Замѣчательно, что въ одномъ изъ списковъ XVI в. говорится посль 1241 года: отъ числа русской земли и до смерти князя александра и до убитія князя литовскаго жицова. Эта, приписка заставляет предполагать, что позднѣйшій составитель, именно до этой эпохи приписалъ собственно изъ псковской лѣтописи начало по числамъ. Списаніе о Довмонтѣ подъ 1265 годомъ есть первое подробнѣе и самобытное сказаніе псковское; съ тѣхъ поръ идетъ уже непрерывно перечень псковскихъ событій по годамъ и со-ставляетъ дѣйствительно псковскую лѣтопись.

Событія, вошедшиа въ лѣтопись и относящіяся исключи-
тельно къ Пскову, слѣдующія: 1) пострайки въ Псковѣ; какъ церковныи, такъ и городскія; 2) природныи бѣдствія какъ-то: неурожай, пожары, наводненія, морозы, моровыи повѣтры; частѣ
опустошенія страны; 3) войны съ Нѣмцами и Литвой; 4) внутреннія событія въ XIV и особенно въ XV в., иногда съ юридическимъ характеромъ; б) церковныи дѣла Пскова.

Лѣтопись Псковская строго лѣстная. Событія, случив-
шіяся въ другихъ земляхъ, приводятся только по отношению къ Пскову и были записываемы современниками. Писавшій упоми-
наетъ о себѣ, подъ 1352 г. по поводу моровой болѣзни: „Се-
же ли о семъ написавшу отъ иного мало, аще худай мой умъ;
въ худости же и память приносе; аще кому се не потреблю
будеть, да сущінъ по насть оставлю, да не до конца забвено
будеть“. Очевидно, что здѣсь лѣтописатель говорить о собы-
тіяхъ, которыя самъ помнилъ. Лѣтопись послѣ того перешла
въ чьи-то руки уже въ 1390 году, какъ видно изъ извѣстій о
другомъ морѣ въ Псковѣ, по поводу которого лѣтописецъ
присовокупилъ, что такого прежде не бывало (иное не
бывать таковъ), но морѣ въ 1352 г. описаны такими краснами,
что если бъ тогъ же, кто его описалъ, извѣстилъ и о томъ ме-
ре, который посѣщалъ страну въ 1390 году, то не выразился бы
такъ о послѣднемъ, а либо описалъ бы его еще разъ,

чъль смысль· прещий, или же смысль бы, "что такого мора· никогда не было во Псковѣ". Подъ 1470 г., по поводу скоры· съ новгородскимъ владыкою, лѣтописецъ говорить „се написахомъ едика слышаше и видѣшиє“ и сверхъ того пишется на сущемъ ствовании издревле лѣтописи: „аще се кому и не на потребу будетъ, но сако иль любезно почтятъ древниѧ Лѣтописца.“ События· смыслы· всегда съ мельчайшою точностью времени и хѣста — такъ писать могли· только современники. Онь заложены· не въ смыслѣ непрерывнаго рассказа, а отрывочный· изѣюючи· съ обычною фразою *тако эже ложа.* Въ XIV и началь XV в. они вообще отрывистѣ и короче, чѣмъ далѣе, въ течениѣ XV и началѣ XIV в. Разомъ· начинаеть быть подробнѣе съ 1457 года. Появление· съ паденіемъ Пскова соста- вляетъ отдельную лѣстницу. Въ одинъ изъ неиздѣтанныхъ списковъ, хранящихся въ Румянцовскомъ Музѣи, подобная по- вѣсть· наложена· гораздо· пространнѣе, чѣмъ въ печатныхъ; она заключаетъ цѣлкомъ современную деревенскую, относящуюся къ этому· событию· и вообще· иметь· характеръ· скорѣе юридиче- скаго дѣла, чѣмъ· новѣствованія. Продолженіе· псковской лѣтописи, посѣгъ· уничтоженія· самобытности· Пскова, сохраняетъ· прежній· цветной· характеръ. Характеръ· разсказа· псковской лѣтописи· указываетъ, что это были· официальные· записи, которыя· ве- лись· по· обычая· при· главномъ· центрѣ· управлениѣ,· вѣроятно· при· са. Троицѣ,· и даже· служили· иногда· для· решеній· юридиче- скихъ· вопросовъ. Писательство· въ Псковѣ· было· значительно· развито,· ибо· неоднократно· Псковитине· ссылается· на· грамоты· князей· и· разные· письменные· акты. Видно· лѣтописи· были· также· видомъ· этихъ· официальныхъ· бумагъ,· и· служили· для· справокъ; оттого-то· въ· нихъ· такъ· усердно· записывались· всякия· построй- ки,· не· только· церковныя,· но· и· гражданския. Лѣтописей· было· въ· одно· и· тоже· время· много;· это· указываетъ· и· теперь· су- ществование· второй· псковской· лѣтописи,· которая· есть· вариантъ· первой· съ· значительными· отличіями,· и· сама· разница· въ· смы- кахъ· первой· лѣтописи· и,· наконецъ,· значительная· подробность·

событий XV в. предъявили. Это посаждает обстоятельство и объясняет тѣмъ, что отъ времени XV и начала XVI в. остались полные современные записки, чѣмъ отъ предшествовавшихъ. Пожары, разоренія, впослѣдствіи переселенія изъ Пскова жителей — все вѣтъ уничтожило древнюю письменность. Псковскія лѣтописи могутъ считаться въ числѣ лучшихъ указаний для истории народа, потому что, сосредоточившись наѣстности, вводить насъ въ подробности внутреннаго быта и движений народной жизни. Вѣрою еще и то, что лѣтописцы ставятъ себѣ на такую точку зрѣнія, которая дѣлаетъ ихъ взглядъ не ихъ личныи, но цѣлой массы — это видно повсемѣтво; даже самые события выбираются и излагаются такъ, какъ излагались бы, еслибы побужденіемъ къ этому было впечатлѣніе, произведенное на массу и требование общее записать ихъ, преимущественно то, что относится къ массѣ цѣлого народа.

Вторая псковская лѣтопись, изданная со списка XVI в., есть иное,此刻ъ вероятнѣй первой и не имѣть особаго характера, но заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ частностей въ XV в., не вошедшихъ въ первую псковскую, а это подтверждаетъ убѣжденіе, что въ Псковѣ велись подобные записи. Кто составилъ вторую лѣтопись, тогдѣ хотя пользовался многими источниками, попавшими въ руки составителя первой, но также понадаль на такие, которые не служили для первого. Очевидно, что составитель первой и второй лѣтописи было не одно и тоже лицо; это особенно видно въ первой части второй лѣтописи, гдѣ одно первое, другое подробнѣе чѣмъ въ первой части первой псковской лѣтописи.

ВЯТСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Какъ вѣтъ сѣверныхъ лѣтописей, является въ нашей исторической литературѣ вятскія лѣтописецъ, до сихъ поръ не изданный. Онъ известенъ иначе по одной рукописи Публичной Библіотеки № 103 Толст. 123, заключающей въ себѣ въ беспорядкѣ разные лѣтописные и хронографические отрывки. Въ числѣ по-

изданныхъ въ этой рукописи (XVIII в.) отрывковъ есть поѣсть о началѣ Вятки безъ заглавія и о судьбѣ этого города до XVI вѣка. Она начинается въ лѣто 6682: „отдѣлившись отъ предѣлъ великаго Новгорода жители Новгородцы самоволцы дружиною съ своею и ишедше плаваху въ судехъ на низъ по Волгѣ рѣкѣ дошедшѣ рѣки Камы и пребыша ту нѣколико время и поставиша по Камѣ рѣкѣ градецъ малъ въ обитаніи себѣ и ссыпаху о Вяткѣ рѣкѣ иже по ней живущихъ Чуди вотяковъ, обладавшихъ многими землями и угоды, построиша окопы и валы землиные иругъ жилища своихъ боящася находу Руси къ поселенію потребны и угодны“. Это начало достаточно показываетъ, что списокъ этой лѣтописи испорченъ. Далѣе разсказывается, что Новгородцы оставляя толпу своихъ на р. Мерекѣ въ новоостроенномъ городкѣ, поплыли по Камѣ, перешли въ нагорную сторону и достигли р. Чепца; поплыли по ней внизъ и иѣнная вотяцкая жилища, окруженныя земляными валами, Новгородцы по р. Чепцу вошли въ р. Вятку и, прошлиши верстъ пять, увидѣли по правой сторонѣ, на высокой горѣ, окруженный высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ, Болванскій городокъ, который, по замѣчанію лѣтописца, называется теперь Никола Цыно на р. Никуличинѣ.

Желая его взять и сознавая трудность этого предприятия, Новгородцы призвали на помощь страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и согласились между собою ни пить, ни єсть, пока не возьмутъ этого болванскаго чудскаго городка. Тогда былъ день св. Бориса и Глѣба, и оттого-то они призвали именно этихъ святыхъ. Святые помогли имъ: городокъ былъ взятъ, множество Чуди и Вотяковъ побито; оставшіеся въ живыхъ разбѣжались по хѣсамъ, и Новгородцы построили въ городѣ церковь во имя св. Бориса и Глѣба, (которые такимъ образомъ, стали ихъ патронами) и назвали городъ Никулицынъ. И такъ, это было другое поселеніе Новгородцевъ.

Тѣ, которые основались было на Камѣ, узнавши, что ихъ братія такъ удачно дѣлаетъ завоеванія, отправились по р. Вяткѣ

и тоже стали молиться Борису и Глебу, зная что они помогли имъ землякамъ при взятии Чудского города; святые и эти помогли. Новгородцы пошли далѣе и напали на Черемисскій городъ Каршаровъ. Борисъ и Глебъ, помогая имъ, устроили такъ, что Черемисамъ показалось, будто на ихъ городъ нападаетъ многочисленное войско; тогда одни изъ нихъ пустились въ разсыпную изъ города, а другіе отворили ворота и бѣзъ боя сдались побѣдителямъ. Завоевавши Каршаровъ, Новгородцы разослали по Вяткѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ партіи,—пройдатъ: нельзя ли гдѣ нибудь еще что-нибудь отыскать. Каршаровъ же они переименовали въ Котельничъ.

Въ тоже время и тѣ, которые поселились въ Чудскомъ Большанскомъ городкѣ, также послали партіи съ тою же цѣлью: одни пришли сверху, другіе—снизу рѣки Вятки и, встрѣтившись, стали искать мѣста, гдѣ бы можно было построить еще городъ. При устьѣ рѣки Хлыновицы, на высокой горѣ, имъ показалось удобнымъ мѣстоположеніе, и они основали тамъ городъ Хлыновъ, нынѣшнюю Вятку. Преданіе, записанное въ лѣтописи, говоритъ, что рѣка Хлыновица названа такъ Новгородцами потому, что на этомъ мѣстѣ они услыхали крикъ дикихъ птицъ: хлы, хлы!.

Основаніе Хлынова не обошлося безъ чудесъ. Когда Новгородцы начали строить городъ, то увидѣли дерево, чудотворно приготовленное, сложенное и приплывшее къ мѣсту постройки города. Описавши это построеніе лѣтописецъ упоминаетъ о сооруженіи церкви Воззвиженія Честнаго Креста и прибавляетъ: „и тако Новгородцы начаша общежительствовати, самовластвующе правами и обладающи своими житeli, и нравы свои отеческиe, и законы и обычаи Новгородскіе и вѣаху, на дѣта иного до обладанія великихъ Князей Російскихъ, и доказавшиася Вятчаде, рѣки ради Вятки“.

Въ краткомъ описаніи, слѣдующемъ за тѣмъ, не изображается ни общественное устройство, ни внутрення дреобразовація, которыхъ тамъ происходили. Поэтому отъ насъ ускользаютъ подробности быта единственнаго русскаго города, который управлялся безъ кня-

зей; мы не знаемъ ни правъ, какія существовали у жителей Вятки, ни властей, которымъ были установлены, ни экономического быта; лѣтопись сообщаетъ только, что Жимновъ состоялъ изъ города или Кремля, омываемаго глубокими рѣками съ юга, запада и севера; съ востока же онъ защищался крутыми берегами и рѣкою Вяткою, а вмѣстѣ городской стѣны были крѣпка, плотна поставленныя другъ и другу здѣнными стѣнами. Мѣсто было высокое, удобное для защиты отъ нападеній непріятеля. Тамъ стоялъ колодезь, называемый Землико, близъ него была Земская изба и ямскурна; кругомъ располагались дренажные ямы и непроходимыя болота.

Междѣ тѣмъ количество народонаселенія возростало; въсъ естественнымъ путемъ нарождались, такъ и пріѣбывались новыя пришельцы. Подъ города образовалася посадъ, и тогда была выстроена деревянная стѣна или рѣшотка съ башнями и воротами.

Населеніе Вятскаго края безпрестанно увеличивалось новыми пришельцами, которые приходили, по замѣчанію лѣтописи, изъ Устюга и Новгорода, недовольные таможникою ходомъ дѣла, а также и изъ другихъ странъ: возникли села за селами и поселки новгородские: это название ударижалось за переселенцами; также образовать бытъ построить Рыжковскій посѣтокъ близъ Нижниницына, внизъ за рѣку Вятку мозгами церкви Богоищенія и Воскресенія, а близъ нихъ возникли населенія, также живясь часовня у рѣки Проснины и поселеніе при ней. Къ сожалѣнію, отношенія между собою пригородовъ, посѣтокъ и село, и степень ихъ зависимости отъ главнаго города не показываются въ познаніи. Кратко упоминается о томъ, что переселенцы терпѣли частыя и долговременные нападенія со стороны туземныхъ вародовъ — Вогиокъ и Норекисы, которые, конечно, непріязненно смотрѣли на новыхъ обитателей древняго своего отечества, также отъ Нагайевъ, Татаръ Казацкой и Золотой Орды, появившихся съ берегомъ Кавы, съ намѣреніемъ истребить переселенцевъ. Поэтому все поселенія были укрѣплены; неоднократно Русские выдергивали осады, но никогда не были побѣждаемы: иль близъ съ неизѣрны-

и навсегда оставались въ народной памяти съ героическімъ блескомъ. Въ воспоминаніе ихъ Вятки устроили торжественные ходы и процесіи: такимъ образомъ, въ воспоминаніе битвы съ Волынскими и Черемисами, было установлено каждогодно носить изъ Волынского честного образа Великомученика Георгія въ Вятку и встречать его торжественно со свѣчами; свѣчи эти символически изображали стрѣлы, которыми вооружены были нападавшіе на нихъ Черемисы. Другой честно-чтимый образъ былъ образъ Николая Чудотворца, о которомъ въ повѣсти разсказывается исторія его явленія въ Яранскомъ уѣздѣ. Черемисы преняточевали возникновенію поселеній; однажды Русскіе принужденіи былиѣ бѣжать отъ нападавшихъ Черемисовъ и въ побѣгѣ своемъ оставили на горѣ образъ Николая Чудотворца, который былъ съ чиномъ. Черезъ много времени послѣ того при Донскомъ въ 1383 г., за 76 лѣтъ до занятія Вятки, какой-то поселникъ зачиналъ поселеніе близъ той горы и выбрали себѣ място недалеко отъ источника. Однажды, отправившись въ лѣсъ за деревомъ, онъ увидѣлъ въ одномъ лѣсѣ свѣтъ, окружавшій образъ Николая Чудотворца; поселникъ взялъ его и поставилъ у себя въ избѣ; около него начали селиться и другіе: заводилось и уничтожалось новое поселеніе; тогда образъ оказался чудотворнымъ и чудотворнымъ, и въ избу поселника, у которого онъ былъ, начали стекаться богохульцы. Наконецъ, вѣсть обѣ этомъ дошла до Хлынова и тамошнее духовенство стало помышлять, какъ бы тутъ образъ пріобрѣсть для Вятки. Но жители деревни, где онъ находился, ни зачто не уступали, такъ что городскіе жители сдали чиресили ихъ уладить дѣло такъ, что изъ Хлынова будуть ежегодно совершать крестный ходъ въ эту деревню и приносить туда образъ. Такимъ образомъ установлено было каждогодное хожденіе къ мясту, гдѣ находился прежде образъ — на таѣ называемую, Великую рѣку. Извѣстіе это называлось нѣсколько свободнаго отношенія земельныхъ отъ Хлынова поселеній, ибо Хлыновцы не могли безъ условія отдать образъ у посыпки.

По извѣстію известователя, Новгородцы давно враждовали

противъ Вятчанъ, тѣмъ болѣе, что этотъ край сдѣлался при-
тономъ недовольныхъ въ Великомъ Новгородѣ. Новгородъ счи-
талъ Вятку своей колоніей и хотѣлъ зависимости, какую оказы-
вали ему другія колоніи. По этому, говорить лѣтопись, Новгородцы
представили своимъ князьямъ, что Вятчане бѣглецы и разбойники;
князья вообще не любили Вятки, потому что тамъ не хотѣли призна-
вать книжеской власти. Новгородцы, подавая князьямъ отказные на
Вятчанъ, предавали ихъ на произволъ князей, а князья—гово-
рить повѣсть—почитая Вятчанъ самовольниками, не давали имъ
согласиться и примириться съ Новгородцами. Тогда возникло
преданіе, будто Вятчане получили свое начало отъ любовни-
ковъ женъ Новгородцевъ, отправившихся изъ родины на семь
лѣтъ по случаю войны, и дѣтей, прижитыхъ съ ними незакон-
но—басня, показывающая знакомство съ греческою исторіею,
ибо напоминаетъ основаніе Тарента. Повѣсть наша положи-
тельно отвергаетъ это сказаніе и увѣряетъ, что Вятчане не
бѣглецы, а отправились изъ Новгорода съ согласія Новгород-
цевъ. Вятчане долго отстаивали себя и отъ злобы метрополіи,
и отъ князей: нѣсколько разъ князья посыпали противъ нихъ
рати, но всегда безуспѣши; Вятская сторона отлично была за-
щищена природою: трудно было достигнуть до нее сквозь не-
проходимые лѣса и болота, а Вятчанамъ известны были всѣ
пути въ свое отечество.

Долго такимъ образомъ Вятчане защищались отъ своихъ и
чужихъ. Наконецъ, при Василіѣ Дмитревичѣ въ 1391 году,
Тохтамышъ послалъ туда царевича Бехтута, который успѣлъ
взять городъ; множество жителей погибло, другіе разбрѣлись,
нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ. Но это было игновенное бѣд-
ствіе; съ своей стороны Вятчане отплатили Татарамъ покоре-
ніемъ Сарая.

Извѣстіе о паденіи Вятки, помѣщено въ четвертой Новго-
родской лѣтописи.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

СУЗДАЛЬСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Лѣто пись суздальской земли доша до настъ не въ ея первобытномъ видѣ, и существованіе ея можно признавать только изъ такихъ извѣстій, которыя исключительно относятся къ этому краю и не могли быть замѣчены и внесены въ лѣтописное повѣствованіе никѣмъ другимъ кромѣ тѣхъ, которые жили въ этомъ краѣ. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописцы говорять о себѣ и показываютъ, что они жили въ суздальской странѣ и описывали ея исторію. Послѣдовательно повѣствованіе о судьбахъ суздальского края начинается съ постановленія Андрея Боголюбскаго, съ 1157 года, когда Ростовцы и Суздалцы признали своимъ княземъ Андрея по приговору общаго вѣча. Дальнѣйшій рядъ событий сохранился въ спискахъ, или сборникахъ: Лаврентьевскомъ, Троицкомъ, Софийскомъ и Воскресенскомъ; въ этомъ послѣднемъ есть даже загадка, какъ бы принадлежавшее этой лѣтописи, когда она существовала самобытно, именно: „Наста княженіе суздальское Андреевъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ а столъ великое княженіе Володимирское въ лѣто 6665“. Быть можетъ дѣйствительно съ этого

времени началась самобытная суздальская лѣтопись, но кажется ей предшествовала другая, не въ Суздалѣ, а въ Ростовѣ, ибо Симонъ, епископъ Владимирскій, упоминаетъ о ростовской лѣтописи, узывая, что въ ней можно найти имена владыкъ, достигшихъ этого званія изъ монаховъ Печерской обители. Въ Софійскомъ Временнику есть извѣстіе о построеніи Юріемъ Долгорукимъ церкви въ Суздалѣ и Владимирѣ и это также должно быть взято изъ мѣстной лѣтописи.

Тѣмъ не менѣе явные слѣды существованія непрерывной лѣтописи суздальского края видны съ 1157 года. Лѣтопись эта велась въ городѣ Владимирѣ. Доказательства тому слѣдующія: 1) изъ событій всей суздальской земли стоять на первомъ планѣ событія, случившіся во Владимирѣ; 2) при описаніи споровъ и несогласій, возникшихъ между городами Владимиромъ съ одной, и Ростовомъ и Суздалемъ съ другой стороны, лѣтописецъ не остается въ полномъ безпристрастіи, но принимаетъ сторону Владимира. О времени своемъ и о современныхъ лицахъ лѣтописцы говорятъ: 1) подъ 1185 г. по поводу постановленія епископа Луки обращеніе къ нему, еще живому; слѣдовательно, лѣтописецъ жилъ въ концѣ XII вѣка; 2) по поводу разсказа о смерти Боголюбскаго обращеніе къ душѣ убитаго князя съ просьбою молиться за брата князя Всеволода. Всеволодъ умеръ въ 1212 г., слѣдовательно лѣтописецъ писалъ до этого времени. Въ началь лѣтопись состоитъ изъ отрывочныхъ извѣстій о построеніи церквей, кончинѣ важныхъ лицъ, небесныхъ знаменіяхъ, княжескихъ бракахъ; потомъ мало по малу входить политическая событія. Лѣтописецъ пишетъ съ явнымъ пристрастіемъ къ княжескому дому, властвовавшему во Владимирѣ и съ неріцаніемъ тѣхъ, которые съ нимъ были въ несогласіи: расточаются укоры Новгородцамъ по поводу ссоры ихъ съ Андреемъ; лѣтописецъ принимаетъ сторону Всеволода въ его расприѣ съ дѣтьми Ростислава Юрьевича; въ описаніи расприѣ Всеволода съ Рязанскими Князьями уклоняется отъ безпристрастія другихъ лѣтописцевъ въ подобныхъ случаяхъ, и при-

писывает побѣды Всеволода св. Богородицѣ. Замѣчательно, что въ немъ проглядывает стремление придать царственное достоинство владимирскому князю и въ этомъ отношеніи видно сознаніе развитія зародышей единодержавія, и вообще стремленіе къ установкѣ новыхъ государственныхъ понятій. По поводу рас-предѣл Ростовцевъ съ Владимирцами лѣтописецъ, созиавая старшинство по времени за Ростовомъ и Суздалемъ, говорить, что Владимирцы заслужили себѣ первенство тѣмъ, что избрали сына Юрьева: „се бо Володимерци прославлены Богомъ по всей землѣ за ихъ правду Богови нынѣ помогающу“. Тутъ признается во первыхъ справедливость первенства по рожденію: сына по отцѣ, а не старшаго въ родѣ и дается городу значеніе столичности, богоизбрания; побѣды великаго князя приписываются Божію благословенію, враги его — тѣмъ уже грѣшать передъ Богомъ, что они враги Князя. Церковное начало призывается на помощь начинающему единовластию, иль которому должна повести наслѣдственность по исходящей линіи, но преемству сына послѣ отца. Лѣтописецъ любить приводить иѣста изъ священнаго писанія, распространяется о характеристикахъ князей Всеволодова дома и расточаетъ имъ похвалы за щедрость къ монастырямъ и церквамъ; тонъ лѣтописи не позволяетъ сомнѣваться, что она писана людьми духовнаго званія.

Съ 1208 года лѣтопись переходитъ въ другія руки; но преемникъ продолжаетъ въ прежнемъ духѣ, оказываетъ тоже расположение къ княжескому дому, прежнее предпочтеніе городу Владимиру передъ другими городами Руси; онъ, безъ сомнѣнія, тоже духовное лицо, что видно и по участію къ церковнымъ интересамъ, и по взгляду, такъ сказать, церковному. У него болѣе развита драматическая форма, чѣмъ у предшественника; текстовъ изъ св. писанія онъ не приводить, но за то собственно церковнаго велерѣчія у него болѣе; приѣздъ такого велерѣчія можетъ служить длинная похвала князю Константину Всеволодовичу подъ 1218 годомъ.

О войнѣ Мстислава Удалаго въ Лаврентьевской спискѣ

нѣть ничего; въ Воскресенскомъ же и Троицкомъ заимствовано изъ новгородскихъ сказаний, а не изъ сузdalскихъ. Лѣтописецъ подъ 1224 г. упоминаетъ о своей личности по поводу посвященія въ епископы Митрофана: „приключися и мене грѣшному ту быти“. Съ этого времени сузdalско-владимирская лѣтопись сохранилась полнѣ въ Воскресенскомъ, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; такъ: въ первомъ гораздо подробнѣе, чѣмъ во второмъ о войнѣ съ Болгарами подъ 1229 годомъ; въ томъ же подробнѣе чѣмъ въ Лаврентьевскомъ обѣ Аврааміи, замученному Болгарами. Въ описаніи событий XIII вѣка видны явные слѣды, что лѣтопись ведется годъ за годъ и каждое событие записывается человѣкомъ, знавшимъ его близко по времени; такъ напр., подъ 1231 годомъ, говоря о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Кириломъ, епископомъ Богородичной церкви, лѣтописецъ выражается: „еже есть до сего дне“. Видно, что это сказаніе было до разоренія города Татарами, случившагося въ 1237 году. О князѣ Василькѣ Ростовскомъ говорится при этомъ слушай какъ о живомъ: „въ заступленье и покровъ и утверждение граду Ростову и христолюбцу князю Васильку и княгинѣ его и сынови его Борису“ — а въ 1237 г. этого князя не стало. Татарское разореніе описано подробно и современникомъ, если не очевидцемъ владимирскихъ бѣдствій, потому что, по извѣстіямъ самого лѣтописца, во Владимирахъ перебили всѣхъ. Вероятно это сказаніе написано въ Ростовѣ, который, какъ видно, уцѣлѣлъ болѣе другихъ городовъ, ибо лѣтописецъ подробно описываетъ потребленіе князя Василька; что онъ былъ современникъ видно изъ того, что онъ проситъ милости отъ Бога ради молитвъ блаженнаго епископа Кирилла, который еще въ живыхъ. О княжениіи Александра также пишетъ современникъ ибо говорить о себѣ: „самовидецъ есмь возрасту его“. Слѣды сузdalской лѣтописи сохраняются кроме Лаврентьевского, еще въ спискахъ: Воскресенскомъ и Софійскомъ черезъ весь рядъ событий XIII и XIV вѣковъ; они проглядываютъ въ сообщеніи такихъ извѣстій, которые относятся къ извѣстнымъ дѣланьямъ и спискамъ частны,

чтобъ быть замѣченными, если въ лѣтопись ввѣлись въ другихъ мѣстахъ. Съ XIV в. лѣтопись переходитъ въ Москву, но въ какое именно время нельзѧ опредѣлить съ точностью, ибо извѣстія о Москвѣ, краткія и отрывочные, могли быть также занесены и въ Суздальскую, и потому нельзѧ основывать перенесеніе лѣтописи въ Москву единственно на томъ, что упоминается Московскія дѣла; но мало-по-налу интересъ московскій береть въ повѣствованіи преимущество.

Тверской лѣтописецъ упоминаетъ о Владимирскомъ лѣтописцѣ и называетъ его Полихрономъ; онъ ссылается на него въ описаніи дѣлъ, относящихся до первыхъ тверскихъ князей въ первой половинѣ XIV вѣка.

ПЕРЕЯСЛАВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Такъ называемая Переяславо-сузdalская лѣтопись, открытая при старомъ переводе хронографа Иоанна Малы и издания княземъ Оболенскимъ въ 1851 году, доходитъ только до 1214 года. Въ началѣ составитель сокращаетъ Сильвестровъ сводъ, но съ нѣкоторыми отмѣнами, напр., при описаніи обычаевъ у Радимичей и Ватичей, по поводу извѣстій объ *перемирии междудъ селы*, говорится о плискахъ и о способѣ сближенія половѣдыхъ людей обоихъ половъ; по поводу мести Ольги надъ Древлянами говорится, что послы, пришедши отъ Древлянъ, были пьяны, что ихъ одѣли въ „порты многоцѣнныи червены вси жемчугомъ иссадены“ и что запрошь голубей и воробьевъ одѣланъ былъ подъ предлогомъ принести въ жертву богамъ для успокоенія Игоря; но позднѣйшиe переписчики сильно испортили текстъ, что видно изъ того, что въ 995 году при извѣстіи о битвѣ силача сть Печенѣгами, Печенѣги названы Татарами. Лѣтопись носить заглавіе „Лѣтописецъ Русскихъ Царей“, и это одно показываетъ вліяніе на нее позднѣйшихъ рукъ. Название Переяславской, данное ей учеными, происходитъ отъ двухъ признаковъ: 1) въ разсказѣ объ убіеніи Андрея, лѣтописецъ

обращается къ душѣ убитаго и просить ее молить Бога за „Князя нашего и Господина Ярослава“, а не Всеволода, а князь Ярославъ княжилъ въ Переяславлѣ послѣ того; 2) послѣ смерти Андрея, лѣтопись, сходно съ Лаврентьевскимъ спискомъ, говорить о распрахѣ города Владимира съ Ростовомъ и Суздалемъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавляетъ имя *Переяславцевъ*, какъ союзниковъ Владимирцевъ, таинъ гдѣ въ Лаврентьевскомъ спискѣ идетъ рѣчь только о послѣднихъ. Доказательства довольно слабыя; кажется, что этотъ лѣтописецъ есть ни что иное, какъ варіантъ Суздальской лѣтописи и если есть какое нибудь отношеніе его къ Переяславлю, то можетъ быть то, что онъ, ходя по рукамъ, былъ переписанъ въ Переяславлѣ ~~и~~ тамъ переписчикъ прибавилъ имя своихъ согражданъ; что касается до перемѣны имени князя, то въ такъ называемомъ Переяславскомъ лѣтописцѣ есть еще и другія перемѣны именъ, напр., Вячеслава онъ называетъ Ярославомъ, а подъ 1204 г. дополняетъ пробѣлы въ Лаврентьевскомъ спискѣ; съ 1208 г. разсказываются многія изъ событій, не вошедши въ послѣдній, другія разсказаны иначе, напр., по Лаврентьевскому списку князь Всеволодъ, побѣдивши рязанскихъ князей, посадилъ въ Пронскѣ Олега Владимировича, а по переяславскому — Давида Муромскаго.

Переяславо-Суздальская лѣтопись особенно важна потому, что въ ней находимъ важное объясненіе того, какъ князья, пріобрѣтая княженіе по родовому праву, должны были получать согласіе вѣча: „Ярославъ же прїѣхавъ въ Переяславль мѣсяца априля въ 18 день съзвавъ вси Переяславци къ св. Спасу и рече имъ: братія Переяславци, се отецъ мой идѣ къ Богови, а вѣсъ удалъ мнѣ. А мене оудалъ вамъ на руцѣ, да рщите ми братія аще хощете мя имѣти собѣ, яко же имѣсте отца моего и голови своя за мя сложити. Они же вси тогда рекоша: велими господине тако буде; ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ. И цѣловаша къ нему вси крестъ. И тако седе Ярославъ въ Переяславли на столѣ, идежи родися“.

ТВЕРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Послѣ вступленія Твери на театръ исторической дѣятельности въ XIV в. явилась тамъ отдѣльная лѣтопись. Въ одномъ изъ сборниковъ Погодина (№ 970) въ спискѣ русскихъ лѣтописей сохранились отрывки этой лѣтописи и въ одномъ мѣстѣ свидѣтельство о ея существованія: „благочестія дръжателя православнаго и христолюбиваго князя Бориса еже вѣльъ и есть написати отъ слова часть преиудраго Михаила и Боголюбиваго князя“. Этотъ Михаилъ есть Михаилъ Александровичъ, сынъ Александра Михайловича. Трагическая судьба прежнихъ князей не составляетъ предметъ этой лѣтописи; напротивъ она оговариваетъ это: говоря о родословной князей тверскихъ, лѣтописецъ выражается „Ярославу сынъ бѣ Всеволодъ, а Всеволоду сынъ бѣ Владіміръ, а Владіміру сынъ бѣ Юрій, а Юрію бѣ сынъ Всеволодъ, а Всеволоду сынъ бѣ Ярославъ, а Ярославу сынъ бѣ Ярославъ, а Ярославу сему сыну бѣ Михаилъ, а Михаилу бѣ сынъ Александръ, а Александру сыну бѣ доблей, Михаилъ“. На Александра же, иже также самодержецъ бѣ, владѣяше землю русскую, якоже и отецъ его Михаилъ и вси праіды его до здѣ пишущу оставихъ ись пръваго лѣтописца воображающе, якоже володимерскій Полихронъ степенемъ приведе, явѣ оуказуетъ и прочестнѣша сего въ князехъ являеть“.

Мѣсто это очень важно для исторіи лѣтописей, ибо видно, что во Владімірѣ велась лѣтопись и въ XIII и въ XIV в.; название *Полихронъ* показываетъ, что тогда уже лѣтописи начинали принимать значеніе цѣло-русскихъ, обнимающихъ теченіе дѣль во всей русской землѣ. Но эта ссылка на Владімірскаго Полихrona показываетъ только, что лѣтописецъ, задавшій себѣ работу писать лѣтопись князя Михаила Александровича, находилъ извѣстія о тверскихъ князьяхъ обширнѣе и простиранїе въ Полихронѣ владімірскомъ. Дѣйствительно такъ и было, судя по описаніямъ судебъ тверскихъ князей въ дру-

тихъ спискахъ; но тѣль не менѣе существовала короткая лѣтопись тверская о прежнемъ времени, и въ той же самой рукописи сохраняются ея слѣды, перебиты выписками изъ другихъ, въ смѣшаніи съ другими извѣстіями. Очевидно, слѣды ея существованія начинаются съ извѣстія о заложеніи *Спаса въ Твери*. По тогдашнемъ народномъ понятію признакомъ самобытности этого края была первая главная соборная церковь; тогда же поставленъ былъ епископъ въ Твери. Отсюда идутъ лѣтописныя извѣстія въ послѣдовательной чередѣ. Встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько пустыхъ годовъ отдѣльно. Годы перепутаны и Тверская лѣтопись отстаетъ двумя годами отъ первой Софійской. Исторія Михаила Ярославича подробнѣе и разбита на годы; но слова и выраженія тѣ же, какъ и въ сказаніи о судьбѣ этого князя, внесенному цѣликомъ въ Софійскую лѣтопись. Кажется, что въ послѣдней только распространено и украшено велерѣчиво короткое извѣстіе, такъ что то, что записано въ тверской, и есть старшій редакціи. О дальнѣйшихъ дѣлахъ извѣстія вообще коротки, есть нѣкоторыя не записанныя въ другія списки, напр. о возстаніи въ Твери при Александрѣ Михайловичѣ, по поводу пришествія Шевкала. Здѣсь приводится такія обстоятельства, которыхъ нѣть нигдѣ, именно о томъ, что избѣженіе татаръ началось съ того, что дьяконъ Диодоръ велъ поить кобылицу, которую отняли у него татары. Самое избѣженіе татаръ описано наглядно, но потомъ разореніе Твери коротко. Послѣ этого событія, лѣтопись въ спискѣ перебивается другими извѣстіями, взятыми очевидно не изъ Тверской; но явныя извлеченія изъ послѣдней слѣдуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ съ 6837 г. опять на нѣсколько лѣть идетъ тверская лѣтопись краткими извѣстіями со включеніемъ пустыхъ годовъ; съ 6845 опять прерывается и подъ 6871 г. описывается съ подробностями приготовленіе къ смерти князя Александра Михайловича, и страдальческая его кончина. Въ слѣдующемъ затѣмъ описаніи событій при Михаилѣ Александровичѣ видно взятое изъ собственно тверской

лѣтописи по сочувствуио къ этому князю во время споровъ его съ Новгородцами и Московскимъ княземъ; съ 6884 г. въ спискѣ прекращается собственно-тверская лѣтопись; тверскія дѣла перемѣшиваются съ другими, но лѣтопись тверская еще существуетъ, ибо иногдѣ известія, касающіяся до Твери таковы, что могли быть записаны только Твеританиномъ, напримѣръ подробности о прибытии Митрополита изъ Царыграда подъ 6898 годомъ. Подъ 6097 описаніе полное сочувства, какъ Михаилъ Александровичъ встрѣчалъ икону, привезенную съ Востока, какъ постригся въ чернецы, прощался съ народомъ, назначилъ вмѣсто себя сына. Пустые годы въ этой лѣтописи заставляютъ подозрѣвать, что она составлена именно тогда, когда говорить и предисловіе, и имѣть связь съ тою, къ которой это предисловіе служить вступленіемъ.

Послѣ смерти Михаила Александровича слѣдуетъ предисловіе и потомъ извѣстіе объ Александрѣ и Михаилѣ, о воспитаніи послѣднаго. Затѣмъ слѣдуетъ глава — начало книженія Михаила Александровича о распряхъ его съ Василиемъ Кашинскимъ, но потомъ слѣдуютъ только похвалы ему, и вслѣдъ затѣмъ новое заглавіе: „начало книженія Ивана Михайловича Тверскаго“, таинъ что эта часть есть непосредственное продолженіе Тверской лѣтописи послѣ смерти Михаила Александровича. Описавши, какъ Василій Дмитріевичъ приглашалъ тверского князя воевать противъ Витольда и нанять Татаръ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что старцы въ Твери вообще сопротивлялись приглашенію Татаръ и представляли ту опасность, что Татаръ, и вообще чужихъ, не слѣдуетъ принимать въ волны: „добро-ли се будетъ душа юныхъ нашихъ бояръ? Не сихъ-ли ряди и Киеву и Чернигову бѣды приключилася? и что когда имуще брань съ собою и подыпаютъ что ловецъ навожаху на ся да првое бо неимющи ихъ сребро издаша изъ земля своея и иные смотрѣша народы рускія и самъ издолѣша, да не будетъ пакости въ нашей земли на прочія дни, да не како татарове съсматрять нарида земля нашая а всхотять сами прійти“. Тверитяне съ этихъ

поръ, говорить лѣтописецъ, отказывались помогать Москвѣ противъ Литвы, и при этомъ обращается къ какому-то боголюбивому отцу Варлааму. Потомъ лѣтописецъ оскорбляется отъ лица всѣхъ тверичанъ, что московскій князь не поставилъ имени тверского князя Ивана въ договорѣ, и распространяется объ этомъ, защищая тверскую сторону и обращаясь къ какой-то боголюбивой главѣ („о боголюбивая главо!“). Лѣтопись тверская прерывается въ спискѣ вслѣдъ за этимъ, и далѣе отъ 6929 года, по вступленіи князя Бориса Александровича, сына Александра Ивановича. Впослѣдствіи въ томъ же спискѣ хотя есть извѣстія, касающіяся до Бориса Александровича, но нѣтъ доказательствъ, чтобы они непремѣнно взяты изъ особой тверской лѣтописи; онѣ могли составлять и часть общаго лѣтописнаго сказанія.

Софійский Временникъ.

Софійский Временникъ есть сводъ предыдущихъ лѣтописей съ нѣкоторыми добавленіями изъ такихъ первоначальныхъ лѣтописныхъ разсказовъ, которые до насъ не дошли и со вставками, составляющими эпизодическія цѣллы. Въ началѣ въ немъ первоначальная Сильвестрова лѣтопись, но съ нѣкоторыми отѣнками, очень важными не столько по содержанію, сколько потому, что бросаютъ свѣтъ на способъ составленія лѣтописи. Сказание объ убіеніи Бориса и Глѣба хотя имѣеть ту же основу, какъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ, но другимъ слогомъ разсказано съ отѣнками отъ Лаврентьевскаго. Въ другихъ изѣстахъ, гдѣ идетъ непрерывное повѣствованіе, тамъ онъ сходится съ Лаврентьевскимъ, но тамъ, гдѣ короткія извѣстія — отѣнны, вставки, переставки, добавки и это подтверждаетъ мысль, что эти короткія извѣстія вставлены уже впослѣдствіи, при разбивкѣ повѣсти на годы. Нерѣдко тоже происшествіе отнесено къ различнымъ годамъ; напр., подъ 6506—6508 въ Лаврентьевскомъ о представлениі Мальфрѣдъ и Рогнѣдь, а въ 6509 о представлениі Изяслава Владимировича; въ Софійскомъ

же о смерти первыхъ двухъ книгинь нѣть ничего, эти же пустые годы заканчиваются смертью Изяслава, и вслѣдъ за тѣмъ нѣть о преставленіи Всеслава Изяславича, о которомъ упомянуто въ Лаврентьевскомъ послѣ двухъ пустыхъ годовъ: 6510 и 6511; далѣе — нѣть въ Софійскомъ послѣ 6512, 6513, 6514 и 6515 о перенесеніи святыхъ въ церковь Богородицы, о чёмъ упоминается въ Лаврентьевской. Подъ 6525 г. въ Лаврентьевской говорится: „Ярославъ иде въ Киевъ о погорѣша церкви“, а въ Софійскомъ подъ этимъ годомъ о приходѣ Печеньговъ, ихъ разбитіе и заложеніе великаго града Киева и св. Софіи, о поставленіи златыхъ вратъ, такъ что вслѣдствіе этого подъ 6545 говорится о свершенніи города Киева и св. Софіи, какъ бы окончаніи задуманнаго въ 6525 году; между тѣмъ какъ въ Лаврентьевскомъ подъ 6545 г. годомъ говорится о заложеніи, а не о свершенніи. Въ Лаврентьевскомъ подъ 6535 г. о рожденіи Святослава Ярославича, подъ 6536 о знаменіи на небесахъ, подъ 6537 сказано: „мирно бысть“, — а въ Софійскомъ подъ 6535 о рожденіи Святослава и о знаменіи, опредѣлительно названномъ злѣемъ, а прочіе годы пусты. Эти отличія показываютъ, что числопоставщикъ было нѣсколько, и одинъ другаго поправлялъ: одинъ находилъ, что такое-то извѣстіе слѣдуетъ поставить въ этотъ годъ, другой въ иной. Случаются события, записанныя въ Софійскомъ и не записанныя въ Лаврентьевскомъ, напр. подъ 6546 о походѣ Ульба на желѣзныя ворота, подъ 6546 о томъ, что Ярославъ ходилъ на Ятвяговъ, именно зимою, и не могъ ихъ взять, а въ Лаврентьевскомъ сказано только, что онъ ходилъ на Ятвяговъ. Въ Софійскій Временникъ входятъ многія события, относящіяся къ Новгороду; нѣкоторыя изъ нихъ есть въ новгородскихъ лѣтописяхъ, другія съ ними не сходны, а нѣкоторыхъ вовсе нѣть, именно: подъ 6556 и 6557 годами о сгорѣніи церкви Софійской съ подробнымъ положеніемъ ея мѣстности; или напр., о походѣ Остромира посадника на Чудь и вслѣдъ за тѣмъ о походѣ на Чудь же князя Изяслава Ярославича, подъ 6562 г.

и проч. о походѣ Изяслава на Сосолы и Чудь. Такимъ образомъ видимъ: 1) что числовая первоначальная лѣтопись была пересоставлена, такъ что одинъ составщикъ ставилъ отдельныя извѣстія туда, другой сюда, соблюдая сплошной разсказъ; 2) что впослѣдствіи внесены были извѣстія новгородскія, вѣроятно изъ лѣтописи, до насъ не дошедшей. Софійскій Временникъ здѣсь есть уже исторический сводъ, иначе составленного числоваго свода Сильвестрова (а можетъ быть и древнѣе Лаврентьевскаго) съ новгородскою лѣтописью. Печерской лѣтописи нѣть, исключая отрывка о кончинѣ Феодосія; также нѣть проповѣди подъ 1067 годомъ. За то отдельный разсказъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба (1072) подробнѣе и полнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевской. Съ 1076 года замѣтна болѣе и болѣе разница между Лаврентьевскимъ и Софійскимъ текстами: въ послѣднѣмъ многихъ извѣстій нѣть, въ тоиъ числѣ всей исторіи битвы на нѣжатиной нивѣ, и благочестивыхъ размышеній по поводу смерти Изяслава, которыя мы признаемъ за проповѣдь, говоренную при его погребеніи; нѣть исторіи объ убієніи половецкихъ князей въ Переяславлѣ; нѣть поученія Мономахова, но сохранился исторія Василька. Я думаю, что сохранившіяся и несохранившіяся въ одномъ и другомъ спискахъ сказанія составляли отдельные разсказы сами по себѣ. Далѣе идутъ извѣстія кіевскія въ болѣе сокращенномъ видѣ, чѣмъ въ Лаврентьевской спискѣ, съ прибавкою новгородскихъ, по большей части заимствованныхъ изъ первой новгородской лѣтописи, а потомъ и изъ суздальской. Послѣ Татарь Софійскій Временникъ дѣлается уже преимущественно новгородскою лѣтописью вмѣстѣ съ другой лѣтописью, служившей продолженіемъ суздальской, писанной вѣроятно въ Ростовѣ; онъ упразднѣнъ, такъ сказать, нѣсколькими эпизодическими пространными разсказами, напр. „о велицѣмъ князѣ Александрѣ“, варіантъ того, который помѣщенъ также въ воскресенской лѣтописи, разбитый на годы вѣроятно послѣ, разсказъ объ убієніи Михаила Черниговскаго, повѣсть объ убієніи Михаила Тверскаго, рукописаніе

Магнуса Свейского, грамота митрополита Киприана, посданіе новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому владыкѣ, побоище Мамаево, о житіи и преставленіи князя Дмитрія Ивановича, о взятіи Тохтамышемъ Москвы, побоище Витолово съ Темиркутыкомъ, описанное новгородскою лѣтописью. Новгородскія извѣстія по большей части суть видоизмѣненія того, что заключается въ лѣтописахъ первой и четвертой; съ 1371 года начинаются подробныя извѣстія о тверскихъ дѣлахъ, показывающія, что они взяты изъ такого лѣтописнаго сказанія, котораго составитель находится въ Твери; дѣла смоленскія, нѣсколько распространѣнѣе, чѣмъ въ четвертой новгородской лѣтописи, должны быть взяты изъ смоленской лѣтописи подъ 1386 г.; тоже должно замѣтить и о другихъ извѣстіяхъ, касающихся частной жизни Смоленска, напр. подъ 1387, 1395, 1400; изъ нихъ нѣкоторыя вошли и въ четвертую новгородскую лѣтопись, но могли быть взяты въ Соф. Бр. изъ послѣдней. Есть также мѣста, относящіяся исключительно къ дѣламъ Великаго Литовскаго Княжества безотносительномъ къ сѣверной и восточной Руси, напр. обь острожскомъ князѣ Дашкѣ подъ 1418 г. вѣроятно взяты или изъ Смоленской, или изъ какой нибудь другой западно-русской лѣтописи.

Съ 1471 года лѣтопись занимается преимущественно дѣлами Новгорода и Пскова; здѣсь вставлено подробное описание паденія новгородской независимости, писанное, безъ сомнѣнія, современникомъ, но человѣкомъ, расположеннымъ къ московской сторонѣ и, судя по тону и приему, духовнымъ лицомъ. Думаютъ, что это описание принадлежитъ митрополиту Филиппу. Потомъ, до паденія Пскова, Временникъ занимается псковскими дѣлами; взятие Пскова составляетъ отдельный эпизодъ (*). Всѣдѣ за

(*) Пространнѣйший разсказъ о томъ же событии есть въ одномъ сборникѣ Румянцевскаго Музея; онъ составляетъ варіантъ находящагося въ Софійскомъ Временнике, но съ большими подробностями и со вложенiemъ подлинныхъ переговоровъ между В. Княземъ Московскимъ и Псковомъ.

этимъ, лѣтописное новѣствованіе сосредоточивается на дѣлахъ государства вообще. Лѣтопись, очевидно, ведется въ Москвѣ, ибо упоминаются подробная событія, относящіяся исключительно къ дѣламъ столицы. Списки этого Временника чрезвычайно разнообразны, особенно съ 1383 года, но съ 1471 года разность увеличивается до того, что окончанія его составляютъ особы лѣтописныхъ сочиненій.

ВТОРАЯ СОФІЙСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Вторая Софійская лѣтопись есть, собственно, варіантъ первой Софійской, отмѣнно съ 1397 года и оканчивающейся 1552 г. именно временемъ, когда единодержавный укладъ вполнѣ торжествуетъ надъ удѣльнымъ. Она напечатана съ разныхъ списковъ, основаніемъ которымъ служилъ принадлежавшій Патріарху Никону. По богатству и подробности частей, составляющихъ эту лѣтопись, она представляетъ превосходный источникъ для изученія теченія русской жизни государственного строя и нравовъ ковца удѣльного уклада XV вѣка. Отличительный характеръ ея, это—множество вставленныхъ въ нее длинныхъ новѣствованій, отдѣльныхъ статей, писемъ и актовъ, такъ что собственно это болѣе исторический сборникъ, чѣмъ лѣтопись. Дѣйствительно, нельзя предположить, чтобы существовалъ сочинитель этого Сборника, но это есть сводъ многихъ, разнообразныхъ сочиненій. Въ немъ, по этому, слѣдуетъ различать двѣ части: 1) собственно лѣтописную и 2) вставные сказанія. Но и въ собственно-лѣтописной является двойной характеръ: одни извѣстія коротки, въ видѣ записокъ, чтò когда сдѣлано, чтò произошло; другіе, напротивъ, носятъ характеръ непрерывныхъ новѣстей и хотя, разбиты на годы, въ формѣ составляютъ часть собственно лѣтописи, но въ сущности также должны быть почитаемы отдѣльно-сочиненными сказаніями. Такова напр., исторія распѣй Шемяки и братьевъ его съ Василиемъ Васильевичемъ, отличающаяся въ разсказѣ большими подобостями и въ иѣкоторыхъ мѣстахъ признаками драммати-

ческаго изложенија. Изъ сказаний отдельныхъ нѣсколько отрывковъ изъ житій святыхъ и легендъ, болѣе или менѣе любопытныхъ и важныхъ для изученія народныхъ вѣрованій и религіозныхъ понятій вѣка. Есть нѣсколько современныхъ актовъ, напр., духовная митрополита Фотія, посланіе ростовскаго епископа Вассіана по поводу ополченія противъ Татаръ. Въ лѣтопись включено большое сказаніе о восьмомъ (Флорентинскомъ) соборѣ съ граммotoю папы Евгенія.

Изъ сказаний о политическихъ дѣлахъ, чрезвычайно важна историческая повѣсть о паденіи Новгорода, написанная очень подробно. Это самое пространное извѣстіе о паденіи удѣльности въ Руси. Сказаніе это отлично отъ того, которое помѣщено въ первой Софійской лѣтописи, но написано не съ новгородской, а съ московской точки зрењia. Авторъ самъ о себѣ даетъ знать, что онъ принадлежалъ къ сторонѣ великаго князя, ибо, описывая шелонскую битву, говоритъ: „Наши же (Москвики), ставши на побоищѣ томъ“ или „единъ у нашихъ убиенъ быстъ“. Сказаніе это разбито на годы, то есть, части его являются въ разныхъ годахъ, раздѣленныи другими проицшествіями: послѣ шелонской битвы слѣдуетъ по списку подъ 1476 г. поѣздка Ивана Васильевича въ Новгородъ и исчисление даровъ, подробно поименованныхъ съ извѣстіемъ, отъ кого что было дано, и судъ великаго князя въ Новгородѣ. Подъ 1478 г. пространный разсказъ о послѣдней развязкѣ Новгородской исторіи. Въ этомъ разсказѣ авторъ, очевидно, пользовался подлиннымъ дѣломъ.

Въ числѣ статей, помѣщенныхъ въ Софійской второй лѣтописи, есть и путешествіе Афанасія Тверскаго въ Индію — драгоценный памятникъ и литературы, и нравовъ, и понятій, и предпримчивости въ русскомъ народѣ того времени.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ СБОРНИКЪ.

Изданная въ V т. П. С. Р. Л. Воскресенская лѣтопись въ прошломъ столѣтіи изданная Россійскою Академіею Нико-

новская, не есть отдельная лѣтопись, но позднѣйшіе XVI и XVII в. сборники прежнихъ лѣтописныхъ частей, соединенныхъ воедино. При разложеніи ихъ окажется, что они составлены изъ разныхъ самобытныхъ мѣстныхъ лѣтописей какъ тѣхъ, которыхъ слѣды естественные видны, какъ въ раннихъ сборникахъ, такъ равно и тѣхъ, которые до нась дошли. Разбирая, напр., воскресную лѣтопись, мы найдемъ въ ней извѣстія сузальскія, кіевскія, новгородскія, которыхъ нѣть въ Лаврентьевскомъ, Ипатіевскомъ спискахъ и новгородскихъ лѣтописахъ, но которая стоять рядомъ съ тѣми, которая тамъ находятся, а потому мы вправѣ заключить, что они взяты или изъ другихъ, до нась не дошедшихъ, или изъ тѣхъ же, изъ которыхъ взяты и извѣстныя намъ события, но послѣднія не полно сохранились въ раннихъ спискахъ. Такъ, въ воскресенской лѣтописи, какъ мы уже сказали, видны явные слѣды кіевской лѣтописи подъ 1200 годомъ, послѣ того, какъ прерывается самый подробный ея списокъ — Ипатіевский; тамъ же встрѣчаемъ мы события сузальско-владимирского края, гораздо распространѣе, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; наконецъ, тоже можно сказать и о новгородскихъ, ибо въ воскресенскомъ спискѣ находятся и новгородскія дѣла въ болѣе пространномъ видѣ, чѣмъ въ новгородскихъ лѣтописахъ и притомъ, какъ показываетъ ихъ тонъ, писанные въ Новгородѣ.

СОСТАВЪ НАШИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Доискиваясь состава нашихъ лѣтописей, мы находимъ, что они перешли три редакціи:

1) *Сказанія и записки.* Это были первоначальные формы, совершенно не сходныя и даже противуположныя между собою. Записки были чрезвычайно краткія извѣстія, имѣвшія практическое примѣненіе въ церковномъ обиходѣ: это свѣдѣнія о кончинѣ лицъ, съ цѣллю поминовенія ихъ въ монастыряхъ и церквяхъ, о постройкѣ церквей и поставленіи владыкъ, о небесныхъ знаменіяхъ, объ общественныхъ бѣдствіяхъ съ благочестивою цѣллю — слѣдить за движеніемъ промысла и гнѣва Б.

жія. Сказанія, напротивъ, подробныя, связныя повѣствованія съ отѣнкоюъ поэзіи, или притязаніемъ на краснорѣчіе. Они— не сборъ отрывочныхъ, не связныхъ извѣстій, а разсказъ, обращенный къ лицу или къ событию, заключающему въ себѣ цѣлость, оживленный часто одною мыслію.

Сказанія перешли у насъ два периода: первый *своекародный*, второй, образовавшійся послѣ принятія христіанства, подъ вліяніемъ *византійской образованности*. Сказанія первого периода отличаются простотою выраженія, сжатостію, иногда образностью и цвѣтистостью, но непринужденною, безъ замашки щеголять ею. Во второмъ господствуетъ риторика, амплификація и церковная философія. Драматическая форма выраженія встрѣчается и тамъ и здѣсь; но въ сказаніяхъ старого склада герой говоритъ именно столько, сколько человѣкъ въ самомъ дѣлѣ въ описываемомъ положеніи можетъ сказать; а въ сказаніяхъ новѣйшаго византійскаго склада герой говорить, такія длинныя рѣчи, которая не свойственны ни его натурѣ, ни его положенію. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить сказаніе объ убієніи Бориса и Глѣба; въ разныхъ спискахъ эти святые говорять болѣе или менѣе длинныя рѣчи, въ одномъ спискѣ длиннѣе, въ другомъ короче; по желанію вставлялось что угодно; цѣлію было не изложить событие въ дѣйствительности, а изложить его какъ можно красивѣе. Напротивъ въ сказаніяхъ старѣйшаго склада; тамъ идетъ дѣло о передачѣ события, а не о формѣ его передачи, и если употребляются фигурные выраженія, то все-таки какъ средство къ лучшей передачѣ содѣржанія, а не составляютъ сами по себѣ цѣль. Однѣ и тѣ же сказанія являются приблизительно то къ тому къ другому складу, смотря по тому,透过 какія руки они проходили. Какъ формы сказанія, такъ и формы записи сохранились до позднѣйшихъ временъ.

2) Изъ нихъ-то подъ вліяніемъ византійскихъ примѣровъ, начали составлять *альтохиси*: именно, собирать сказанія, разбивать ихъ на годы и дополнять записками. Когда форма эта

усвоилась, тогда является третий способъ передачи событій черезъ соединеніе формы сказанія съ формою записокъ, или, такъ сказать, распространенная записка. Это собственно то, что можетъ называться лѣтописнымъ разсказомъ. Сочинитель подъ извѣстнымъ годомъ записывалъ то, что зналъ и очерчивалъ его такими частностями, какими считалъ нужнымъ, смотря по своей личности, или по цѣли, съ какою записывалъ. Такъ какъ жизнь русская потекла разными путями и выразилась въ самобытности земель, то явились въ каждой землѣ свои лѣтописи, хотя сходныя въ главныхъ основаніяхъ, но различныя по характеру и краю, и лицъ, писавшихъ ихъ; ихъ писали и свѣтскія и духовныя лица. На югѣ мы видимъ ясно участіе свѣтскихъ лицъ въ составленіи лѣтописей; на сѣверѣ, сколько можемъ судить, на нихъ лежитъ печать церковности, но это не даетъ намъ права заключить, чтобы и тамъ не писали ихъ свѣтскіе люди, такъ точно, какъ на югѣ мы видимъ участіе духовенства. Характеръ края открывается самъ собою, когда мы сличимъ широкую повѣствовательность кievской лѣтописи, образность голицко-волынской, сжатость и сухость новгородскихъ, полноту и вмѣстъ краткость псковской, и риторику владимѣрской. Мы имѣемъ указаніе, что лѣтописи имѣли у насъ официальное значеніе, но не въ силахъ объяснить способа отношеній власти къ лѣтописцамъ. Существовали-ли лѣтописи, исключительно предназначенные для записи событій по волѣ власти, или власть только довѣрала имъ и относилось къ нимъ на основаніи такого довѣрія? Кажется скорѣе принять надобно послѣднее, потому что въ формѣ лѣтописей нашихъ нѣть явныхъ слѣдовъ того однообразія изложенія, которое послѣдовало бы неминуемо, если бы лѣтописцы были, выражаясь нашимъ способомъ говорить, *казенны*. Если гдѣ либо лѣтописность наша приближается къ точной опредѣленности, какъ мы могли бы ожидать отъ официального способа веденія лѣтописей, то развѣ въ Псковской лѣтописи. Однако, изслѣдуя духъ нашего лѣтописанія, открывается, что лѣтописи собственно церковныя

и монастырскія отличались отъ такихъ, въ которыхъ вписывались политическія события. Такъ, мы имѣемъ третью новгородскую лѣтопись, приложеніе ко второй новгородской—лѣтописи чисто церковная, они отличны отъ остальныхъ; сверхъ того, остались въ рукописахъ нѣсколько лѣтописцевъ монастырскихъ, напр. лѣтопись монастырей: Соловецкаго, Усть-Сысольскаго, Волоколамскаго; занимаясь исключительно дѣлами своего монастыря, они отличны отъ другихъ.

3) Послѣдняя редакція нашей лѣтописной литературы состоитъ изъ *сборниковъ*, или *справочниковъ*, уже прежде составленныхъ предъидущимъ способомъ лѣтописей, со включеніемъ разныхъ отдѣльныхъ сочиненій. Это уже скорѣе сборники, чѣмъ лѣтописи.

Хотя большая часть лѣтописей издана, но до сихъ поръ мы не имѣемъ такого собранія лѣтописей, какого бы желали. Археографическая Комисія своимъ изданіемъ лѣтописей принесла большую пользу, но нѣкоторые лѣтописи она издавала только частями, а нѣкоторые вовсе не издала, основываясь на томъ, что заключающіяся въ нихъ извѣстія, можно найти въ другихъ, изданныхъ лѣтописахъ; а между тѣмъ изданіе различныхъ вариантовъ могло бы значительно обогатить науку, давши большую возможность провѣрять ученые выводы и заключенія.